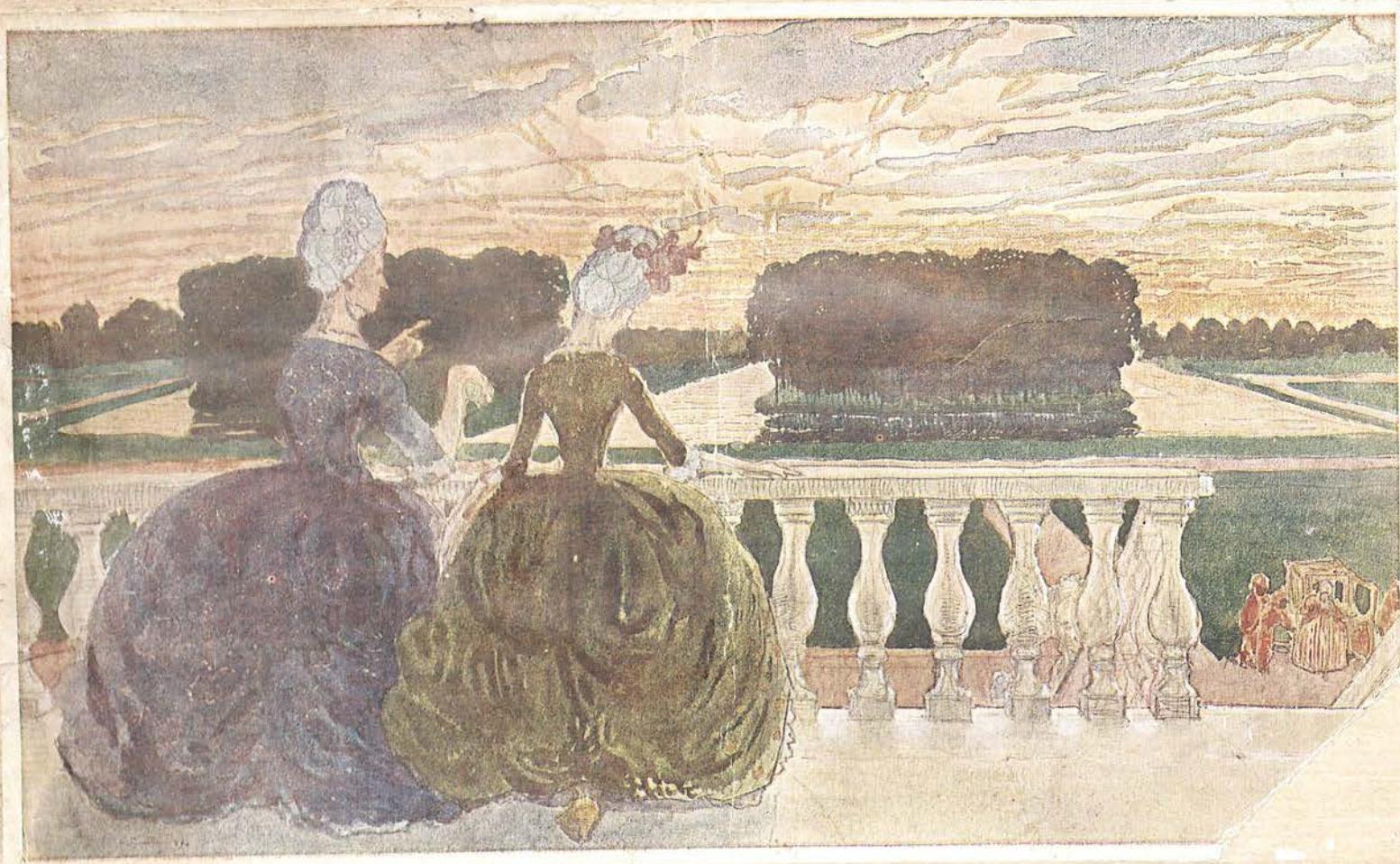

252314

К. А. Сомовъ.— „Въ старые годы“.
Собрание А. А. Коровина.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 73.

(первый № подпись 1917 г.).
Отд. № въ Петроградѣ—95 к.,
въ провинціи и на вокзалахъ—1 р. 10 к.

НОВЫЙ ИЗДАНИЕ:

ВЛ. КРЫМОВЪ.

(10-ая тысяча).

ВЪ СТРАНЬ ЛЮБВИ в ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ.

Фото страница—Газеты в рекламе—По Весту-Изда—Ф. Фокинъ—
Фото страница любви и землетрясений—Кинематографъ наисла—Страница разномыс—
Монте-Карло.

1.75

(12-ая тысяча).

О ПРОЧЕМЪ.

Ф. Монте-Карло в Петербургъ—Книга меня прогнала Л. Н. Толстой и другие—
Ф. Южной Америкѣ—По Ска. Америкѣ и Европѣ—Кинематографъ наисла

1.25

Выписывавшимъ изъ склада изд. „Столица и Усадьба“.
Петроградъ, Невский 28—пересылка бесплатно.

НОВАЯ КНИГА—

ВЛ. КРЫМОВЪ—

„ЧТОБЫ ЖИЗНЬ НЕ БЫЛА

ТАКЪ ПЕЧАЛЬНА“...

(Печатается).

1.50.

Выписывавшимъ изъ склада издания — Мен-
скій, 28. „Столица и Усадьба“ — пересылка
бесплатно.

Роскошный издани
Т-ВА Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

„ДЕМОНЪ“

поэма М. Ю. Лермонтова.

иллюстрации художника А. Эберлинга.

Роскошный томъ въ форматѣ in 25×24° сант., съ воспроизведеніями факсимиле, въ краскахъ и геллогравюрою съ оригиналовъ художника, писанныхъ имъ на Кавказѣ.

Выѣшнность издания строго выдержана въ восточ-
номъ стилѣ.

Цѣна издания въ художественномъ переплѣтѣ 8 руб.,
въ роскошномъ шелковомъ переплѣтѣ 15 руб.

Цѣна любительского экземпляра 30 руб.

„ПИКОВАЯ ДАМА“

повѣсть А. С. Пушкина, подъ РЕДАКЦІЕЙ
Н. О. Лернера.

иллюстрации художника Алекс. Н. Бенуа.

Роскошный томъ въ форматѣ in quarto 30x24 сант.,
отпечатанный на роскошной бумагѣ, съ многочис-
ленными воспроизведеніями факсимиле въ краскахъ
съ акварелей А. Н. Бенуа.

Цѣна издания въ художественномъ переплѣтѣ
10 руб., въ роскошномъ кожаномъ—12 руб., въ
шелковомъ—15 руб.

Цѣна любительского экземпляра 35 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:
Петроградъ, Звенигородская, 11.

05
с 81

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, безсиліе, невралгіи, спинна сухотка, параличи, сердечная заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечать Сперминомъ-Пеля, о чёмъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на название „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаний, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣльное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлитѣльные силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вѣя П.Т.Г.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

НАИЛУЧШАЯ РУССКАЯ
НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА

КУВАКА

ИЗЪ РАДІОАКТИВНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Продолжается подписка
на 1917 годъ
(4-й годъ издания)
на ежемѣсячный историче-
ский журналъ—вѣстникъ ис-
торіи, истории литературы
и искусства

„НАША СТАРИНА“.

Общая программа: наше
далекое и близкое прошлое
въ беспристрастномъ освѣ-
щеніи; литература, искус-
ства, бытъ, наука, поли-
тика (во взаимо-отноше-
ніи съ общеевропейской исто-
рией). Иллюстраціи, изящ-
ная внѣшность, старинный
стильный шрифтъ.

Цѣна 11 р., полугодя 5 р. 50 к.
Городская подписка въ кон-
торѣ: ул. Жуковскаго 24,
также въ книжн. магазинахъ
Вольфа, Мелье, Попова (Яс-
нало) и „Нового Времени“.

Адресъ для почтовыхъ
переводовъ и писемъ:
Петроградъ, Каменоостров-
скій пр. 26.

Требуйте проспекты.

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете восстановить Ваши волосы въ прежний на-
туральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ,
который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ
возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный пре-
паратъ одобренъ сотнями лицъ, которымъ имъ пользовались.—Я съ
радостью вышулю Вамъ подробное описание предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
немедленно, не присылайте ни денегъ, ни марокъ. Сооб-
щите, открытомъ письмѣ Вашу фамилию и точный адресъ.

Я КАЛЬТОКО, МОСКВА, Отд. 108.

АФЕРМЬ

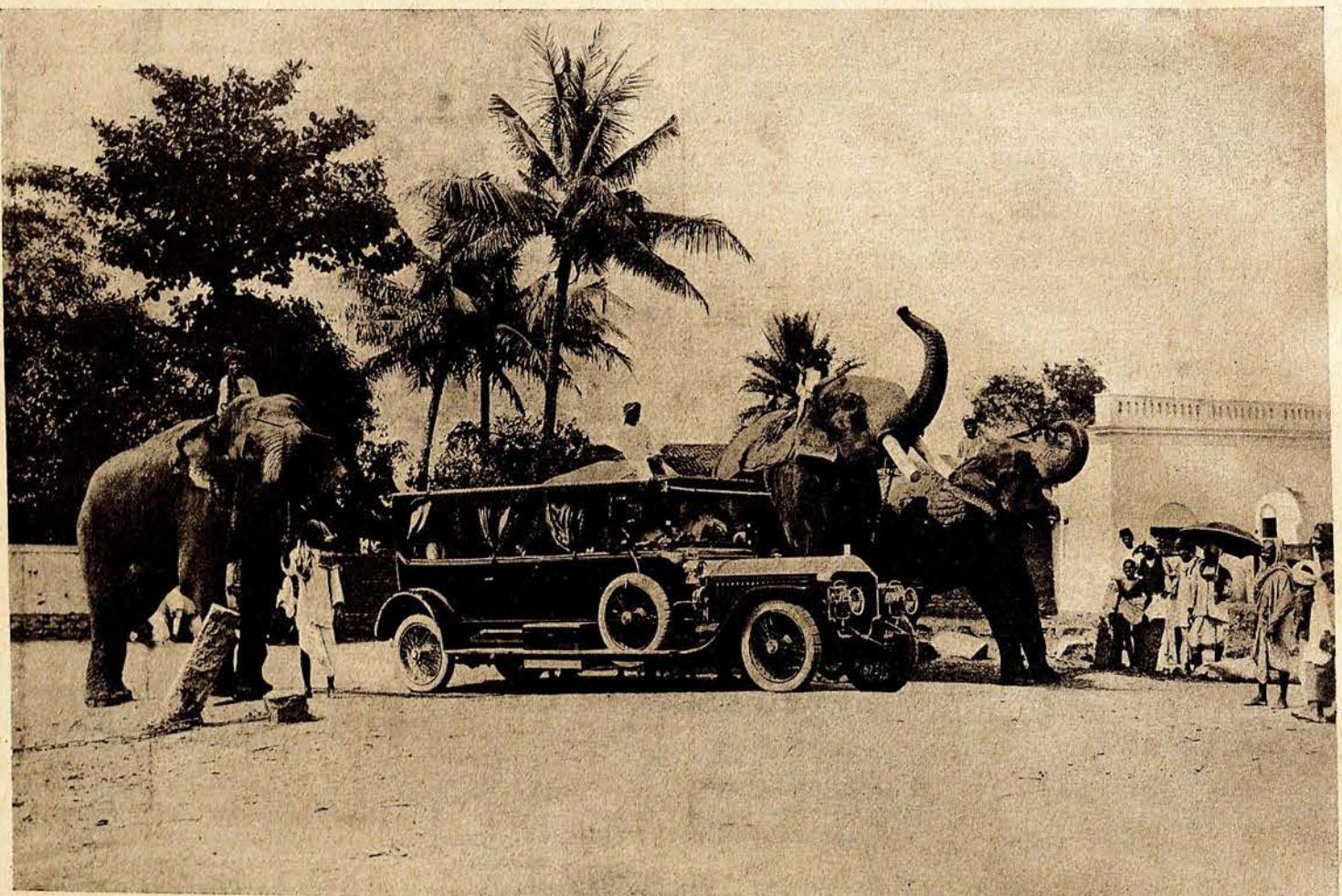
Северо-Казахстанская
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
город Петропавловск

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИН-
СТВЕННО
ПРИЗНАННЫЙ
ЖЕНЩИНАМИ
ВСЕГО МИРА.
...
БѢЗСПОРНО РАДИ-
КАЛЬНО УДАЛЯТЬ
ВЕСНУШКИ, УГРЫ,
ПЯТНА, ЗАГАРЫ,
МОРЩИНЫ
И ДЕФОРМІ-
ЦІИ.

тил. 2 млн. 3. 1647-73

АВТОМОБИЛИ

NAPIER

ВЪ СТРАНЪ СЛОНОВЪ И РАДЖЕЙ.

Низамъ Гайдерабадскій, владѣющій большимъ количествомъ самыхъ громадныхъ и красивыхъ слоновъ въ мірѣ, предпочитаетъ имъ шестицилиндровый автомобиль знаменитой англійской фирмы „Напіеръ“. Это не мѣшаетъ ему, однако, пользоваться и услугами слоновъ. Одна изъ ихъ обязанностей—отдавать честь своему властелину, привѣтствуя ревомъ его проѣздъ по улицамъ и площадямъ Низамской резиденціи. Вышепомѣщенный снимокъ иллюстрируетъ именно такой моментъ.

О-ВО НАПІЕРОВСКІХЪ ЗАВОДОВЪ
D. NAPIER & SON, LTD.,
14 NEW BURLINGTON STREET,
LONDON, W.

ГЛ. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ДЛЯ РОССИИ
Д. Л. ГОТАРРЕСЪ-де-ЛАРА.
ПЕТРОГРАДЪ, ЦЕРКОВНАЯ, 33.
ТЕЛЕФОНЪ 140-52.

РЕНО

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО „РУССКИЙ РЕНО“

ПРАВЛЕНИЕ: 34, АНГЛИЙСКАЯ НАВЕРЕЖНАЯ
ПЕТРОГРАДЪ

ЗАВОДЫ:
ПЕТРОГРАДЪ—РЫБИНСКЪ

ТУРИЗМЪ

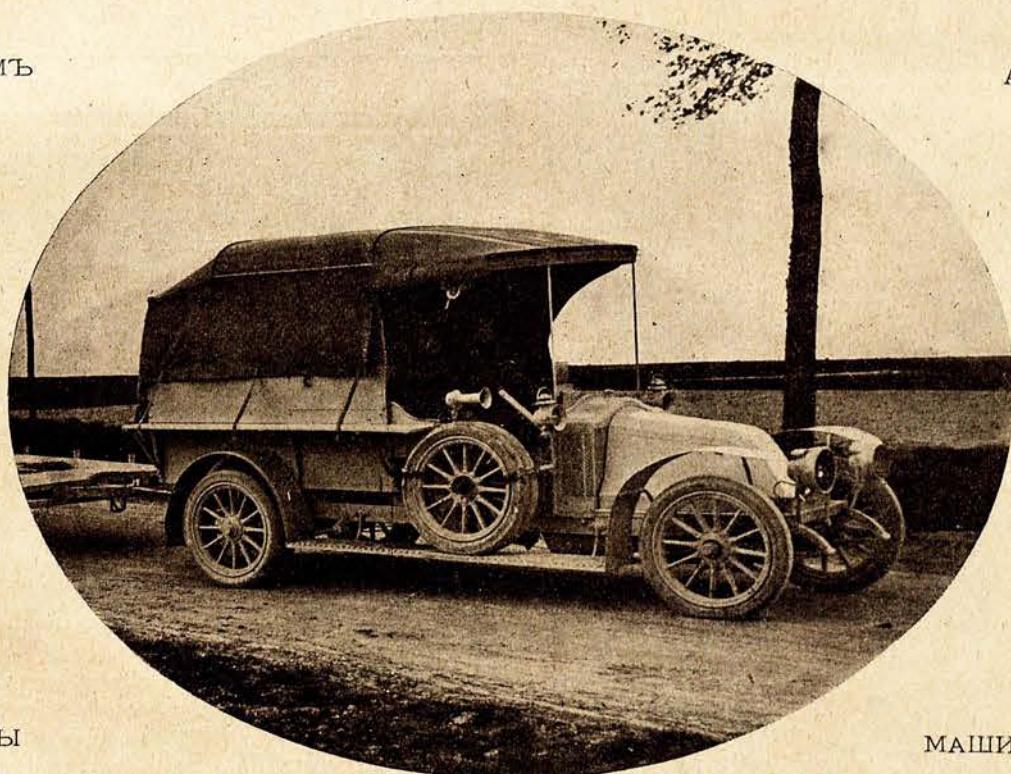
АВІАЦІЯ

ГРУЗОВИКИ

ДВИГАТЕЛИ

ТРАКТОРЫ

МАШИНОСТРОЕНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ

МОСКВА—КІЕВЪ—ОДЕССА—ХАРЬКОВЪ

— КОРСЕТЫ —
МАРКУСЪ ЗАКСЪ
 АЛЕЙНЫЙ 45. ТЕЛ. 438—40.

ЛУЧШИЯ АНГЛИЙСКАЯ ДАМСКАЯ БЛУЗЫ
 удостоенныя высшей награды.
П. С. КУЗНЕЦОВЪ.
 Невский пр. № 66, противъ Аничков. дворца.
 Магазинъ отдаленій не имѣтъ.

САФРИНСКИЯ Т-ва А.М.ОСТРОУМОВА № 40
 Т-во А.М.ОСТРОУМОВА + ОДЕКОЛОНЪ № 6610 БУДЬ
 ДУХИ ФЛОРИДА
 МЫЛО ФЛОРIDA
 ДУХИ
 ОДЕКОЛОНЪ ДУХИ МЫЛО ФЛОРИДА

ТОВАРИЩЕСТВО А.М.ОСТРОУМОВА

ПРАВЛЕНИЕ:
 Петроградъ,
 В. О., Николаевская
 набережн.
 № 19/2.

ОТДѢЛЕНИЯ:
 Архангельскъ,
 Троицкій пр
 № 82 и въ
 друг. горо-
 дахъ.

АГЕНТСТВА:
 Москва,
 Старая пл.,
 Грузинскій
 пер. № 4 и
 въ другихъ
 городахъ.

Требуйте
 проспекты.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНИЯ
 РУССКОГО ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОГО ПАРОХОДСТВА.
АРХАНГЕЛЬСКЪ—НЬЮ-ЙОРКЪ И ОБРАТНО.
 Безъ остановокъ въ пути и безъ захода въ промежуточные порты.
 Единственное прямое сообщеніе между РОССІЕЙ и АМЕРИКОЙ
 на быстроходныхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ
 „ЦАРЬ“, „ЦАРИЦА“, „КУРСКЪ“ и „ДВИНСКЪ“.
 Прѣздѣлъ продолжается 12—14 дней. Пароходы отходять каждые 11 дн.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club
 № 40. NEVSKY. № 40.

Телефонъ 58-24.

PIJAMAS
 ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

НАШЕ
 ДЕТСКОЕ ОЛИВКОВОЕ
 МЫЛО

А. ЭНГЛУНДЪ

Для предупреждения поддѣлокъ
 прошу обратить вниманіе на
 подпись А. Энглундъ красными
 чернилами и марку Петроград-
 ской Косметической Лабораторіи,
 которая имѣются на всѣхъ
 этикетахъ.

Получать можно во всѣхъ луч-
 шихъ аптекахъ, аптекарскихъ,
 косметическихъ и парфюмер-
 ныхъ складахъ.

Главный складъ для Россіи
А. ЭНГЛУНДЪ.
 Пт., Новодеревенск. наб. 15.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 73.

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

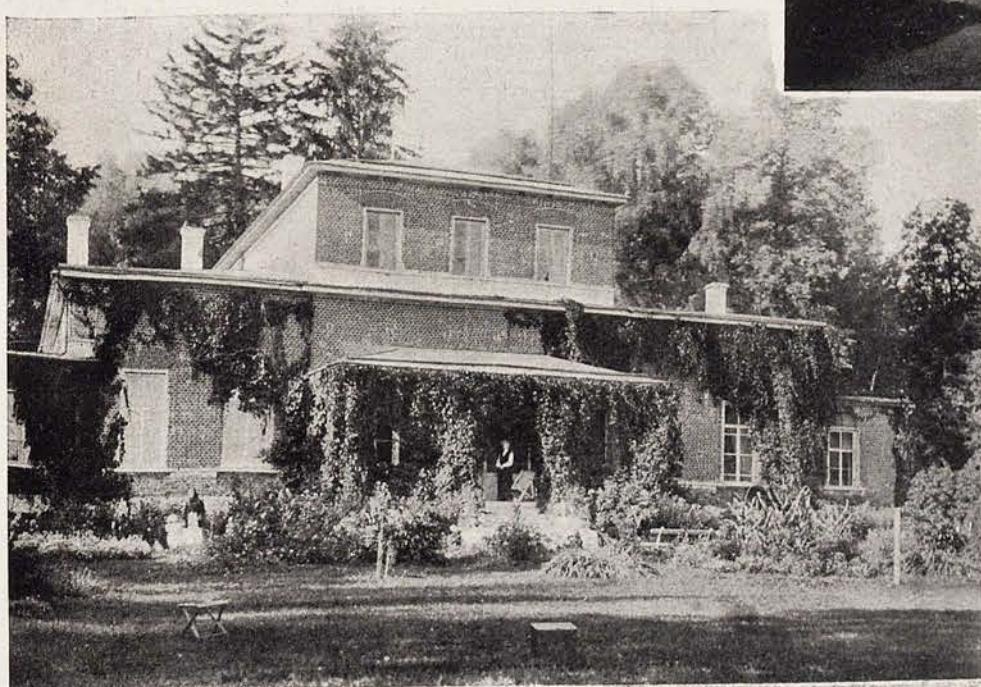
8 января 1917 г.
Цензурой осмотрено.

Журналъ выходитъ съ 15 декабря 1916 г.

Почти все №№ 1914 и 1915 гг., также первые десять №№ 1916 г. распроданы. Открыта подписка на 1917 годъ—въ Петроградѣ—16.75, въ Россіи—18.75, за границей—45 франк. Отд. номеръ—95 коп. Допускается разсрочка: при подпискѣ—бр., 1 апреля—6 р. и 1 сентября—остальные. Пробный № для ознакомленія высылается за 40 коп. Перем. адреса иностр. на иностр. и иностр. на городск.—50 коп.; городск. на иностр.—2 р. 50 коп. Объявленія въ текста (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка нонпарели ($\frac{1}{4}$ ширины страницы); страницы 400 руб. № 74 выйдетъ 15 января 1917 года. Редакція—Каменный Островъ, соб. д., тел. 145-25. Контора—Невскій, 28 (д. Зиннера), тел. 260-51 и 171-38. Подписка на 1917 годъ начинается съ этого №. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, магазинъ Т-ва М. О. Вольфъ.

УСАДЬБА въ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

Барскій домъ въ Сивцевѣ.

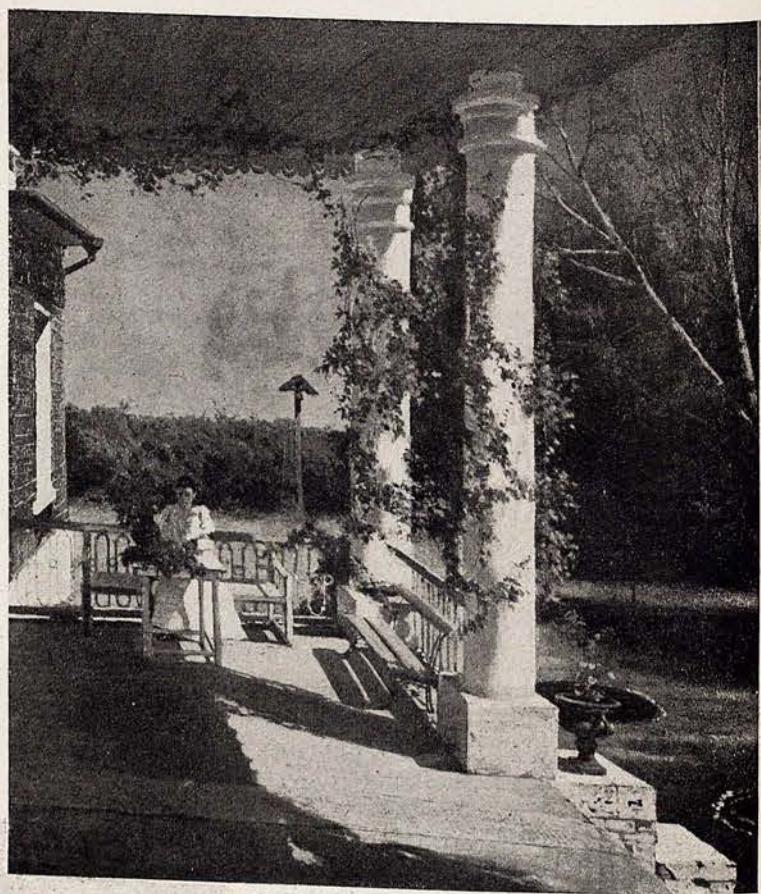

СИВЦЕВО.

Имѣніе Сивцево, Калужской губерніи, Тарусского уѣзда, было пожаловано Императрицей Екатериной II поэту Александру Петровичу Сумарокову, который многое годы проживалъ тамъ; эта вотчина оставалась въ его семье до конца 20-хъ гг., когда перешла во владѣніе ихъ дальней родственницы Татьяны Львовны Миллеръ, рождennой Толстой, бабушки нынѣшнихъ владѣльцевъ Сивцева, Миллеръ и Хрущевыхъ. Старый, живописный, тѣнистый паркъ, еще хорошо сохранившійся, былъ разбитъ и насаженъ при поэту Сумароковѣ, и также сохранились нѣкоторыя зданія этой эпохи.

Въ Сивцевѣ.
Московскій піанистъ Н. А.
Орловъ,
его братъ
Г. А. Орловъ и
О. В. Миллеръ на
лодкѣ.

Терасса Сивцевскаго дома.
Съ картины К. Я. Крыжицкаго.

Окрестности Сивцева.
Съ картины К. Я. Крыжицкаго.

Теперешній трехъ-этажный каменный домъ построенъ въ 1832 г. генераломъ Ф. И. Миллеромъ, участникомъ Отечественной войны и Крымской кампаниі, во время которой онъ состоялъ начальникомъ Тарусскаго ополченія.

Поэтический прудъ среди сада, окруженній старыми дубами и березами, украшаетъ этотъ тихій уголокъ.

Почти каждое лѣто подъ кровомъ гостепріимнаго Сивцевскаго дома собирается многочисленное общество друзей, знакомыхъ и родственниковъ владѣльцевъ, среди которыхъ перебывало немало выдающихся артистическихъ силъ изъ художественного и музыкального міра.

ОСТРОВА САМОА.

Самоа до войны принадлежали Германии. Теперь острова взяты Англией, и на нихъ введена уже английская администрація. Тамъ война не внесла никакихъ разрушений, не нарушила нормального течения жизни этихъ благодатныхъ острововъ...

Въ августѣ 1914 г. полковникъ Робертъ Логанъ, командовавшій новозеландской эскадрой, прибылъ въ Апію и заявилъ, что острова завоеваны Англией!.. Тѣмъ дѣло и кончилось, острова стали английскими.

Всѣ административныя распоряженія печатаются здѣсь теперь на английскому, нѣмецкому и мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ ходу остались еще нѣмецкія

Четыре года назадъ поэтъ К. Бальмонтъ былъ на островахъ Самоа. Теперь въ „Бирж. Вѣдом.“ онъ напечаталъ отрывки изъ своего дневника. Въ нихъ много интереснаго. Дневникъ печатается съ опозданіемъ, но тамъ, на „островахъ счастливыхъ“, ничего не измѣнилось. Что вмѣсто нѣмецкаго флага гдѣ-то на океанѣ развѣвается английскій флагъ,—самоанцамъ безразлично.

Жизнь въ тропикахъ, убивающихъ энергию и разумъ своею роскошью природы, намъ хороша только

деньги, и ихъ принимаютъ одинаково съ английскими, по курсу, какой былъ до войны.

Главный источникъ доходовъ этихъ острововъ — копра (изъ кокосовыхъ орѣховъ) и какао. Въ послѣднее время устраиваются плантациіи каучуковыхъ деревьевъ.

Сюда стремится много китайцевъ, и въ зависимости отъ этого появился цвѣтной вопросъ: туземцы плохо выдерживаютъ конкуренцію этихъ желтыхъ работниковъ.

Наши снимки сняты до войны, но на островахъ ничего не измѣнилось и теперь—то же яркое, вѣчное солнце, тѣ же спокойные люди, тотъ же избытокъ тепла, усыпляющій мозгъ человѣка, но зато дѣлающій жизнь болѣе радостной, чѣмъ въ нашихъ густонаселенныхъ широтахъ: борьба за существованіе не сравнимо сильнѣе у насъ, а тамъ хватаетъ на всѣхъ благъ природы, даже съ избыткомъ...

для смѣны впечатлѣній, на недѣли, мѣсяцы—не больше, но теперь, среди хаоса Европы, невольно мечтаешь объ „островахъ счастливыхъ“...

Апія—европейское, преимущественно нѣмецкое поселеніе, перепутанное съ самоанскими домами, сквозными и крытыми соломой, вѣрнѣе изсохшими пальмовыми листьями. Европейцевъ немного. Какъ вездѣ въ этихъ южныхъ моряхъ, они занимаютъ лишь самую близкую къ морю береговую полосу. Они прѣезжаютъ сюда лишь изъ корысти. Добыть богатыя созданій здѣшней изобильной природы и увезти это въ свою жадную Европу. Естественно, они поселяются поближе къ кораблямъ. Въ нѣкоторыхъ же, къ сожалѣнію немногихъ уже, мѣстахъ, какъ Новая Гвинея, они и не смѣютъ селиться иначе, какъ вдоль по узкой береговой полосѣ. Тамъ, въ глубинѣ лѣсовъ, надъ опушкой которыхъ, надъ самымъ берегомъ, высоко парить въ воздухѣ красивѣйшая приморская птица, фаэтонъ, еще грозно свѣтять своими глазами курчавые папуа, по-прежнему наклонные возобновлять зловѣщія пріищества человѣкоѣденія.

Здѣсь, въ лагунныхъ моряхъ изумруднаго Самоа, уже давно не совершаются эти чудовищныя торжества. Но когда о нихъ говоришь съ какимъ-нибудь немолодымъ самоанцемъ, въ глазахъ

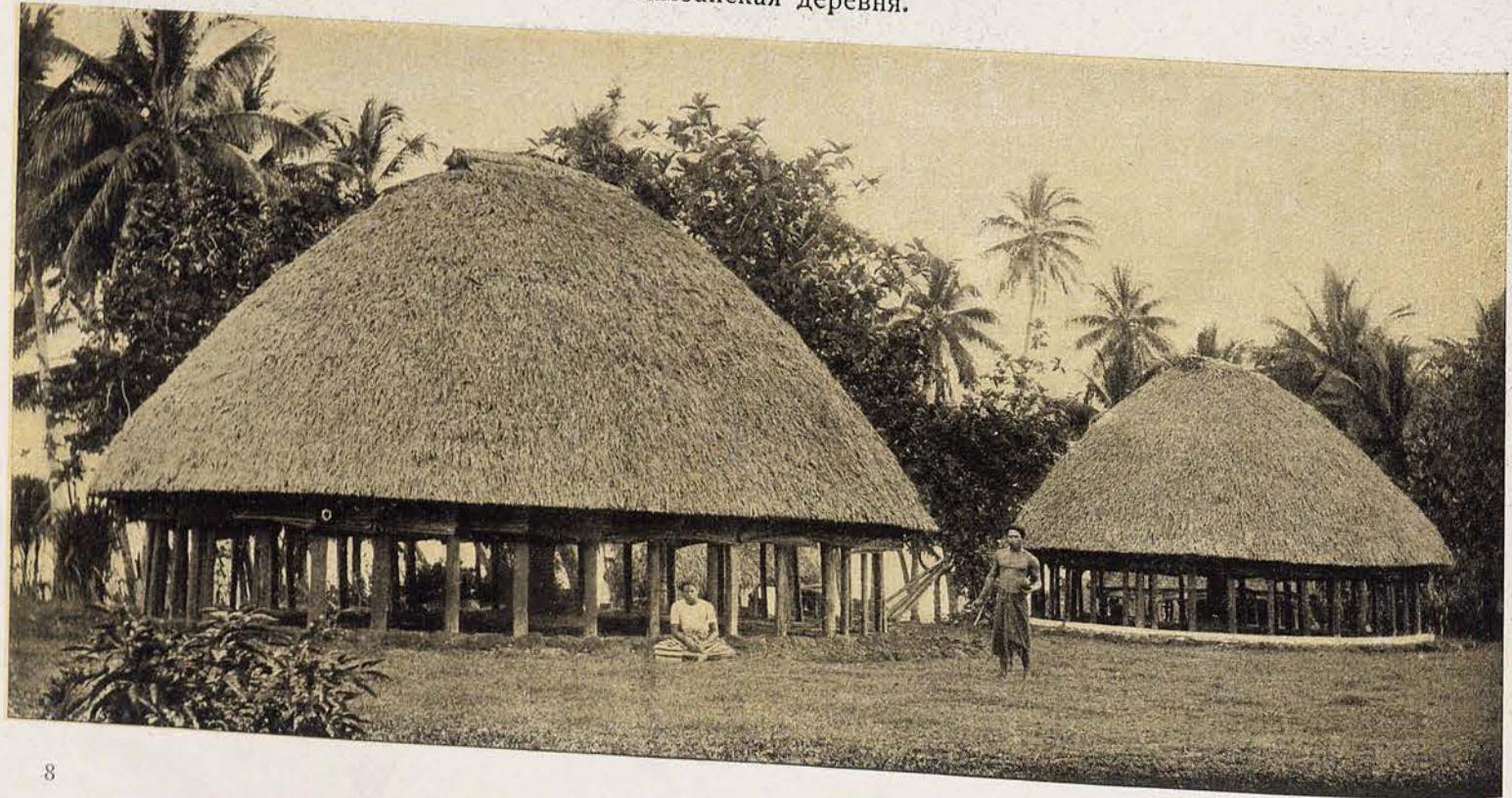

Мѣстная пироги въ бухтѣ Апії, на Самоа.

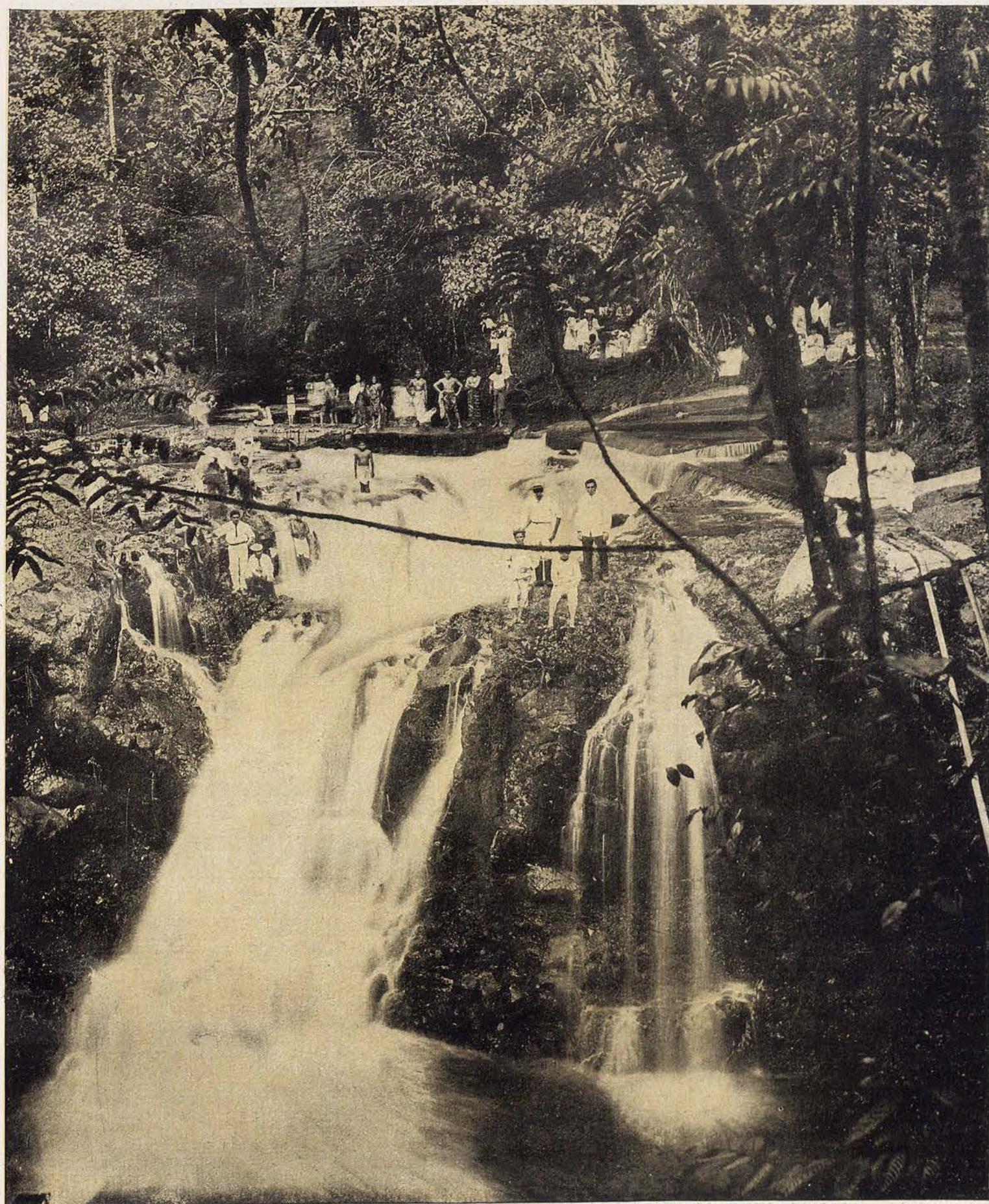
его странная утака. Ее разгадать трудно. Не только это извѣстная степень обиды на europеца, ранящаго неосторожнымъ вопросомъ туземную впечатлительность, но и какое-то смутное воспоминаніе о чмъ-то очень далекомъ, что непонятно вотъ этому чужому, но что навѣрно понятно ему, цвѣтному сыну Полинезіи.

Три постоянныхъ двора, именующіеся отелями, скорѣе забавны. Одинъ нѣмецкій, гдѣ я поселился, онъ дешевле; другой—англійскій, съ притязаніями, главное изъ нихъ билліардная; третій—неописуемая малая харчевня американского образца. Мой отель, какъ всякий здѣсь, есть въ точности постоянный дворъ. Нѣсколько ком-

Самоанская деревня.

САМОА.

Водопадъ въ тропическомъ лѣсу на одномъ изъ остр. Самоа. Любимая забава туземцевъ—падать внизъ вмѣстѣ съ водою.

нать при кабачкѣ, все безъ оконъ, лишь со стеклянной дверью на балконъ. Спать приходится съ открытой дверью, лишь занавѣсивъ входъ самоанской цыновкой, на которой въ изящномъ строѣ протянулись геометрическія фигуры, линейная символика волнъ, рыбъ, раковинъ и звѣздъ. Въ нижнемъ этажѣ большая сараеподобная зала, гдѣ уныло ёдятъ прежалостную пищу нѣсколько европейцевъ, не свыше пятнадцати, но чаще пять. Самоанцы въ своихъ круглыхъ сквозныхъ домахъ живутъ красивѣе и здоровѣе, чѣмъ европейцы, и питаются лучше. Наловивъ рыбы, они не продаютъ ея, а поѣдаютъ сами. Въ этой стройной залѣ, въ дни прѣѣзда кораблей, устраиваются фестивали съ плясками, а иногда и съ побоищами, какъ бы въ предчувствіи будущихъ войнъ.

Въ библиотечной комнатѣ, гдѣ я пишу, нѣсколько столовъ: этажерки, шкафы съ томами энциклопедіи и убогими романами, биографіями Гете и Шиллера—о, гимназія!—а на стѣнахъ портреты, Шекспира, Бисмарка, Цеппелина и основателя отеля. Стильно.

родѣ нашей дыни, неизбѣжная яйца всмѣтку, пью чай. Черезъ минуту говорю китайцу по-русски: «еще чашку чаю». Онъ смеется и приноситъ мнѣ еще чашку чаю.

Выхожу гулять. Жарко. Пройдя немножко, сажусь на толстый обрубокъ дерева, подъ зеленою тѣнью, у моря, закуриваю папироску, и чувствую, что для того, чтобы не потерять благодушія, не нужно двигаться. Посидѣвъ такъ, возвращаюсь на свой балконъ и вижу, что комната моя еще не убрана. Это каждый день.

— Марія! — обращаюсь я къ самоанкѣ, которая слоняется, ничего не дѣлая, и укоризненно показываю на мою комнату.

— Хорошо, мистеръ, — говоритъ она на своемъ изумительномъ англійскомъ языке. Съ усмѣшкой дергаетъ меня за рукавъ, съ ужимкой береть съ комода папиросу и, закуривъ ее, усаживается на стулъ, а чаще на постель, ибо это мягче. Но это мало подвигаетъ дѣло впередъ. Убѣждать Марію, Малію по-самоански, въ

Самоанская красавица.

Стеклянныя двери выходятъ на балконъ. Море передъ глазами. И цѣлый день-деньской толкуются внизу голые самоанцы въ своихъ надбедренникахъ, сия золотистыми счастливыми тѣлами, которыхъ такъ же у мѣста на этомъ побережкѣ, какъ синія волны, опаловые раковины, кокосовая пальма, бамбуковая роща.

* * *

Я просыпаюсь въ 8 часовъ утра. Жаль, что европеецъ силенъ во мнѣ, и я не встаю съ солнцемъ. Цѣлый міръ картинъ и впечатлѣній пропадаетъ, и видишь ихъ, и ощущаешь ихъ лишь случайно, только изрѣдка. Надѣваю на босыя ноги туфли, а поверхъ ночной рубашки накидываю купальный халатъ, вздыхаю и въ столь откровенномъ видѣ спускаюсь по главной лѣстницѣ. Иногда на ней стоять и разговаривать дамы и дѣвицы. Что жъ, немножко неловко, но въ общемъ, по существу, мы все вѣдь здѣсь дѣти солнца, и стыдиться благородного своего тѣла зачѣмъ же? Направляясь къ нѣкоторымъ задворкамъ, въ закутокъ, беру тамъ душу, оживая подъ токомъ воды, совсѣмъ изгоняю изъ мысли зыбкія ночныя сновидѣнія, гдѣ дальнее переплескивало въ близкое, или во все бѣлое, опускаюсь внизъ и завтракаю. Служить мнѣ китаецъ, тихій, ласковый юноша. Щѣмъ какіе-то желтые плоды, въ

чемъ бы то ни было совершенно бесполезно. Я беру книгу и ухожу въ читальню.

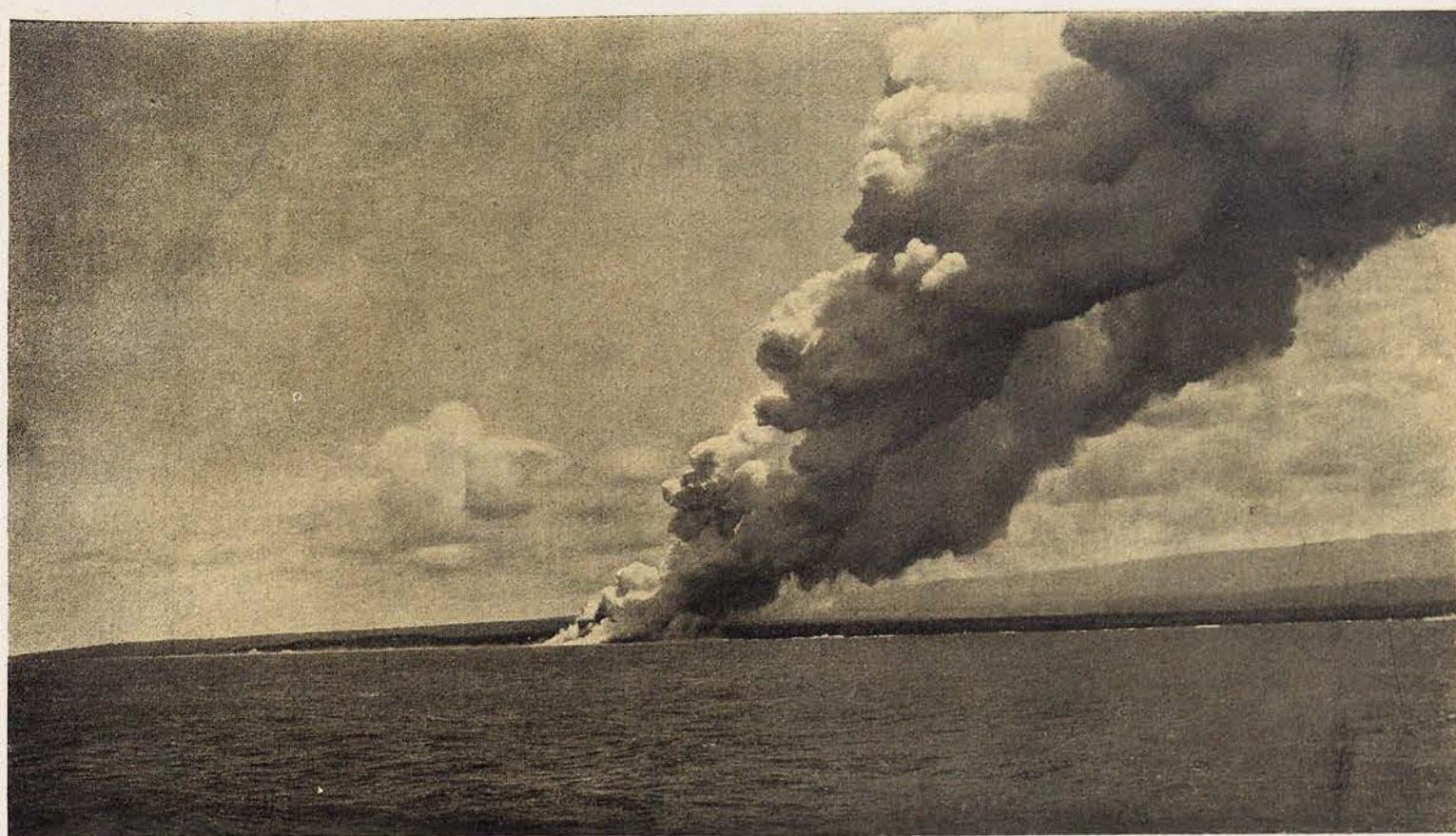
* * *

Иногда всхожу, минуя водопадъ и бамбуковую рощу, на высоющую крутыю гору, гдѣ скроенъ Стивенсонъ, жившій на Самоа нѣсколько лѣтъ, овладѣвшій самоанскимъ языкомъ и сумѣвшій внушилъ самоанцамъ большую любовь къ себѣ, такъ что, когда онъ умеръ, они по собственной волѣ отнесли тяжелый гробъ на эту крутую вершину, откуда широкій, плѣнительный видъ на коралловые лагуны и залитый солнцемъ, переливающейся вольный океанъ. Около гробницы Стивенсона всегда цвѣтутъ красные и золотые цветы. Такой могилы пожелалъ бы себѣ любой викингъ, блуждающій по морямъ.

Послѣ обѣда новая прогулка въ многозвѣздной ночи, когда пальмы такъ таинственны, а море шелеститъ такъ узычиво и такъ напоминально. Самоанцы долго сидятъ въ своихъ открытыхъ домахъ. Я знаю, что они бездѣльники, и вижу черезъ вѣти, что они играютъ въ карты. Во всемъ тишина, довольство и покой, какъ у насъ бываетъ въ юности.

* * *

Снова жарко. И снова душно. И вовсе жарко. Всякій холодъ лучше этой сшеломляющей жары. Въ холодѣ неуютно, но мыслъ

Вулканъ на одномъ изъ острововъ Самоа. Лава течеть въ море, и всегда стоитъ громадный столбъ пара...

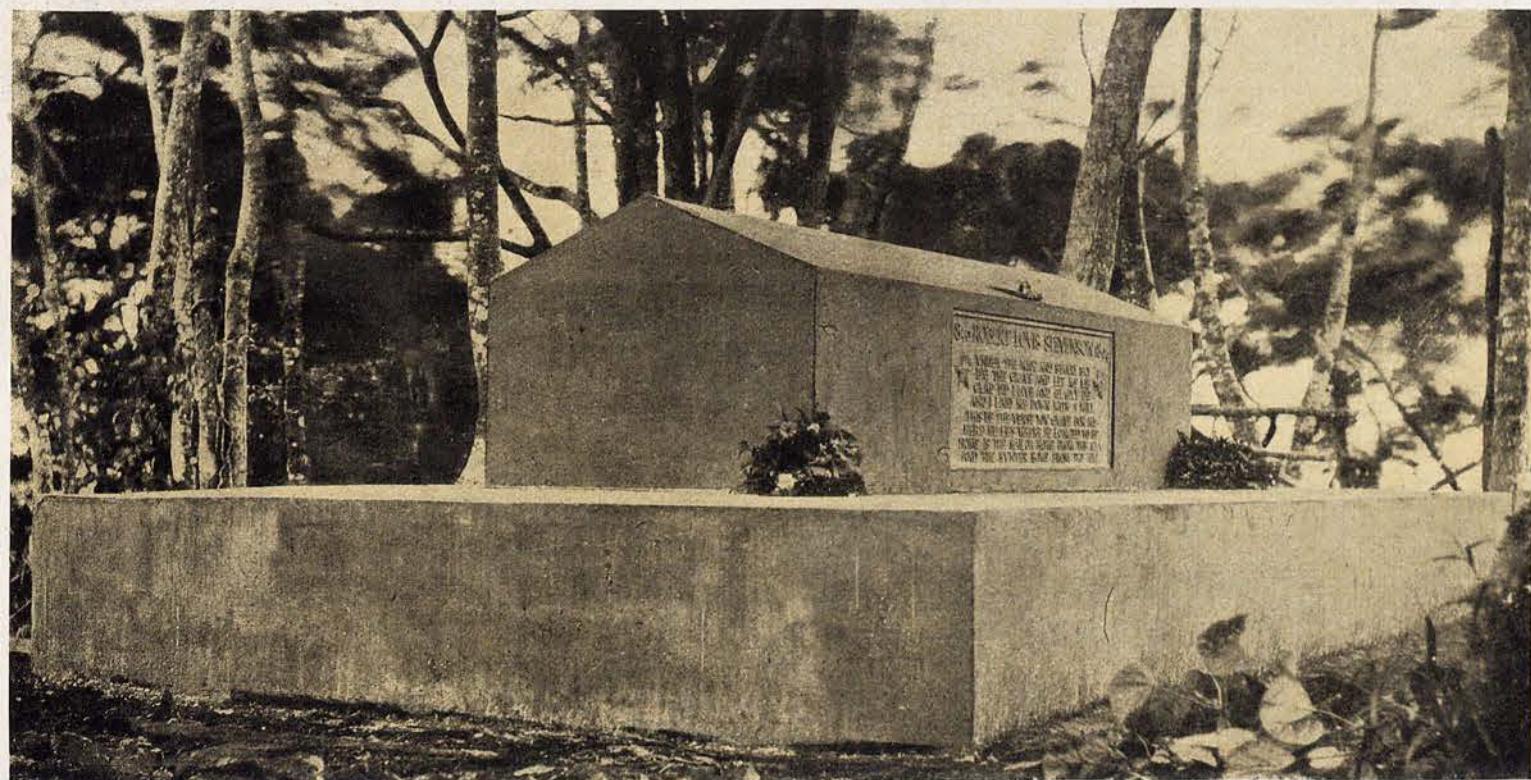
не убитъ. А здѣсь я съ утра до вечера въ оцѣпѣнїи. Ни читать, ни писать, ни гулять, ничего нельзя дѣлать,—а я европеецъ, я дѣйствітельный. Помимо дѣланія чего-нибудь—что же еще есть въ этомъ мірѣ?

И вотъ изможденный я сижу на сѣдомъ пнѣ у взморья и смотрю, какъ мелькаютъ рыбы въ мелководьѣ, какъ тихонько дрожитъ, заплеснувшись, волна. Надо мною дерево съ бѣлыми цвѣтами, крупная раскрытыя чаши съ дурманнымъ духомъ. Какъ называется это дерево? Не знаю. Забылъ. Все забылъ. Всѣхъ забылъ. Хочу встать, не могу. Хочу овладѣть своей мыслью. Но

развѣ можно назвать мыслю то дремотное мечтаніе, которое упорно цѣпляется за вопросъ: почему эти пальмы такъ обрамляютъ все длинное морское побережье? Почему они тянутся къ морю и къ солнцу? Почему?

Такъ снова пройдутъ часы. И лишь когда послѣ краткаго заката опять глянетъ ночь съ своимъ множествомъ звѣздъ, какого не увидишь тамъ въ Европѣ никогда, я, какъ тѣнь, иду по взморью, возлѣ призрачныхъ пальмъ, овладѣвающихъ душой музыкально, какъ музыкой поютъ въ душѣ колонны Египетскаго храма, и въ душѣ поеть стихъ.

Гробница Стивенсона въ Апії, на о. Самоа.

„Орхидея“—рис. С. Лодыгина.

„СЪВЕРНЫЙ ЦВѢТОКЪ“.

Твоя красою блещетъ младость,
Ты на любовь сердцамъ дана,
Свѣтла, плѣнительна какъ радость
И какъ задумчивость нѣжна.
Твой голосъ, гибкій и прелестный,
Намъ вѣтъ музыкой небесной,
И сладкой томностию своей
Любимой пѣсни онъ милѣй.

Но что такъ сильно увлекаетъ?
Что выше дивной красоты?
Ахъ! Тайна въ томъ: она плѣняетъ
Какимъ-то чувствомъ доброты.
Въ лицѣ прекрасномъ, бѣлоснѣжномъ
И въ алыхъ розахъ на щекахъ,
Вездѣ все дышатъ сердцемъ нѣжнымъ.
Оно и въ голубыхъ очахъ,
Оно въ улыбкѣ на устахъ...

Такъ восхищался графинею Е. М. Завадовской И. И. Козловъ. Въ этой женщинѣ, одной изъ самыхъ блистательныхъ представительницъ большого свѣта пушкинской эпохи, было въ самомъ дѣлѣ что-то поднимавшее душу. *Sursum corda!*— какъ бы говорила ея красота. Князь П. А. Вяземскій, получивъ отъ нея въ подарокъ нѣсколько перьевъ, писалъ ей:

...Въ одни часы высокихъ откровеній
И безкорыстныхъ думъ и
стройныхъ впечатлѣній,
Столь чистыхъ, какъ душа чиста,
Когда затепляется въ ея прозрачномъ лонѣ
Мечты, какъ искры звѣздъ на
свѣтломъ небосклонѣ,
Иль улыбается, какъ солнце, красота;
Въ часы, когда небесь доступна
намъ вершина,
Когда вокругъ души утихнетъ
жизни шумъ,
И въ мысль одну и въ звукъ
единий
Сольются звучные потоки чувствъ
и думъ,
Тогда присвою я даръ, вами
освященный,
И, въ красотѣ признавъ поэзіи
права,
Я вырву изъ души стихъ свѣжий,
вдохновенный,
Я душу облеку въ слова...

Въ ореолѣ этихъ поэтическихъ отзывовъ предстоитъ потомству прекрасный, изящный образъ графини Завадовской.

Графиня Елена Михайловна Завадовская, дочь генерала-отъ-кавалеріи, ген.-адъютанта Мих. Феодор. Влодека (1780—1849) и жены его, фрейлины Александры Димитр., рожд. граф. Толстой (1785—1847), происходила изъ старинной подольской дворянской семьи, родилась 2 дек. 1807 г., рано расцвѣла и на семнадцатомъ году вышла за графа Завадовскаго. 1 ноября 1824 г. А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому, извѣщаю его, что вскорѣ выйдетъ альманахъ „Сѣверные Цвѣты“:— „одинъ сѣверный цвѣтокъ, и прекраснѣйший, вчера сорванъ графомъ Завадовскимъ“ („Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ“, III, 90).

Графъ Василій Петровичъ Завадовскій (род. въ 1798 г.) былъ младшій сынъ фаворита Екатерины II графа Петра Васильевича, министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I и хозяина знаменитыхъ Ляличей. Елена Михайловна должна была быть счастлива съ нимъ. Графъ былъ очень богатъ и красивъ подъ стать своей женѣ. „Это была“— разсказываетъ современ-

никъ („Русс. Арх.“ 1865, ст. 409)— „чета такихъ красавцевъ, какую трудно вообразить себѣ тому, кто не видаль ихъ... Прекрасная и щегольская его наружность была не пустою вывѣскою: подъ ней скрывались доброта сердечная, самый пріятный умъ и благородная душа,— нельзя было не любить этого любезнаго человѣка“. О благородствѣ Василія Петровича свидѣтельствуетъ роль, которую сыгралъ онъ въ жизни молодого Пушкина. Въ 1818 г. поэтъ написалъ извѣстную „Молитву лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, въ которой многихъ задѣлъ, посмѣялся между прочимъ и надъ „Завадовскаго щедростью“. Пушкину грозили очень серьезныя непріятности, но Завадовскій объявилъ себя авторомъ стиховъ и принесъ извиненіе товарищамъ, выгородивъ такимъ образомъ поэта изъ довольно тяжелой исторіи („Русс. Стар.“ 1909, апр., 192—197).

„Человѣкъ прекрасно образованный и съ превосходными душевными качествами“ (В. В. Голубцовъ, „Къ біографіи графа П. В. Завадовскаго“— „Русс. Арх.“ 1887, I, 127).

Богатство мужа, красота и семейные связи быстро доставили молодой женщинѣ выдающееся положеніе въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, и она стала одной изъ аккредитованныхъ, общепризнанныхъ столичныхъ красавицъ, блистала на балахъ (мимолетная упоминанія о ея свѣтскихъ успѣхахъ встрѣчаются въ перепискѣ Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ). Въ 1836 г., когда въ Петербургѣ прїехала извѣстная московская красавица А. А. Кирѣева, рожд. Алябьева, Вяземскій писалъ Тургеневу, что ее сравнивали только съ такими безспорными величинами, какъ Завадовская и Н. Н. Пушкина. Нѣкто, видѣвшій ее въ началѣ тридцатыхъ годовъ, разсказываетъ, что она „слыла за первую красавицу при Дворѣ и дѣйствительно

представляла собою роскошную фигуру Юноны. Графъ Завадовскій казался мнѣ очень симпатичнымъ человѣкомъ, хотя и записался въ дэнди немножко поздно. Онъ пригласилъ меня навѣщать его по утрамъ. Графъ Вѣльгорскій сказалъ мнѣ: „слушай, не ходи туда! артистическая душа не можетъ спокойно созерцать такую прекрасную женщину, я испыталъ это на себѣ“ („Приключенія лифляндца въ Петербургѣ“— „Русс. Арх.“ 1878, I, 451). Козловъ обращается къ ней:

...Часто, о тебѣ мечтая,
Тебя я вижу на пирахъ,
Гдѣ ты, о фея молодая,
У всѣхъ и въ думахъ, и въ сердцахъ!
Я вижу взоръ очей огнестыхъ
И волны локоновъ душистыхъ
На бѣломраморныхъ плечахъ,
Иль вдругъ стремлюсь я за тобою
Къ зеленымъ Невскимъ островамъ,
Брошу въ раздумъѣ по садамъ,
Смотрю, какъ ты порой ночною
По зыбкой, дремлющей рѣкѣ,

Графиня Елена Михайловна Завадовская,
рожд. Влодекъ.

(Съ гравюры изъ альманаха „Утренняя Заря“ 1842 г.).

Осеребренной ужъ луною,
Летиши въ уютномъ членокъ,
И твой членокъ волна леѣтъ,
И вѣтерокъ привѣтно вѣтъ,
И свѣтить радостнѣй луна—
Тобой любуется она...

Завадовская часто навѣщала несчастнаго слѣпого и больного поэта. „Я не могу выразить, какъ она чаруетъ мое сердце“, писалъ онъ въ своемъ дневнике: „красота, очаровательный голосъ, она полна какой-то притягательной силы, прелестной грации... Я люблю эту милую графиню Завадовскую, какъ любить прекрасную и нѣжную розу, которой благоуханіе проникаетъ въ душу“ (К. Я. Гротъ, „Дневникъ И. И. Козлова“, СПб., 1906, стр. 18, 19). А. И. Тургеневъ писалъ ему изъ Парижа въ 1835 г.: „если красавица графиня Завадовская по-прежнему навѣщаетъ тебя, то скажи, что первый вопросъ мой (маршалу Мезону, недавно вернувшемуся изъ Петербурга) былъ о ней... Не забудь пожать нѣжно пухлую ручку невской красавицы“ („Русс. Арх.“ 1886 г., I, 135).

Въ 1828 г. у Завадовскихъ родился сынъ Козловъ воспѣвъ материнство Елены Михайловны.

...Любимое мечтанье,
Моей души очарованье,—
Тебя въ толь часъ воображать,
Какъ все забывъ, младая мать,
Съ твоимъ младенцемъ ты играешьъ,
Его ты къ сердцу прижимаешьъ,
А онъ, невинностью цвѣта,
Смѣется, милос дитя,
И у тебя взоръ нѣжный блещеть
Сквозь слезы радости живой,
И грудь лилейная трепещеть
Любовью тихой и святой.

Но графъ Петръ Завадовскій, который долженъ быть унаследовать отцовское состояніе и явиться продолжателемъ рода, умеръ четырнадцати лѣтъ, въ Неаполѣ; тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, тѣль впослѣдствіи рядомъ съ нимъ легли отецъ и мать.

Оба супруга до безумія любили роскошь и въ тратахъ удержу не знали. Въ 1838—1839 гг., передаетъ современникъ, они „отдѣлали великолѣпнѣйшимъ образомъ двухъэтажный домъ графини, находившейся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ построенъ теперь Пассажъ графа Штейнбока. Отдѣлка его стоила, какъ

говорили, до двухъ миллионовъ ассигнаціями. Мебель и разныя убранства выписаны были изъ Англіи. Домъ этотъ ъздили смотрѣть какъ диво и незнакомые хозяевамъ люди, разумѣется съ ихъ согласіемъ, получавшагося черезъ общихъ знакомыхъ“ („Русс. Арх.“ 1865 г., ст. 410). Сынъ Козлова и Жуковскій тоже осматривали палаццо Завадовскихъ. „Это—перлъ художественного изящества и тонкаго вкуса во всѣхъ мелочахъ, начиная съ лѣстницы. Залы Людовика XIV и XV отличаются роскошью и законченностью; кабинетъ ея восхитителенъ. Жуковскій сказалъ: „такъ хорошо и мило, и изящно-красиво, что не знаешь, какъ и быть,—развѣ взять ноги въ руки“ (Дневникъ Козлова, стр. 31).

Смерть единственнаго дитяти какъ будто застала супруговъ отказаться отъ всякихъ надеждъ и плановъ на будущее и страстнѣе отдаться головокружительному вихрю свѣтской жизни, и состояніе Завадовскихъ стало замѣтно таять. Даже такой далеко не скупой человѣкъ, какъ князь А. И. Барятинскій, называлъ графа Василія Петровича „старымъ расточителемъ“. Онъ оставался великодѣпнымъ *bel homme*, ея красота не увядала. „Блескъ, которымъ одарила ихъ природа, они старались поддерживать и усиливать вспомогательнымъ и дорого стоющимъ блескомъ. Дѣла и средства графа Завадовскаго разстроились до такой степени, что онъ вынужденъ былъ рѣшиться на продажу своего родового имѣнія“ (Записки В. А. Инсарскаго—„Русс. Стар.“ 1894, июнь, 35, 42). Въ 1855 г. графъ Василій Петровичъ умеръ. Годъ спустя не стало и его старшаго брата, графа Александра Петровича (это тотъ Завадовскій, которому Пушкинъ отводилъ такую интересную роль въ программѣ задуманнаго романа „Русскій Пеламъ“, и который убилъ на дуэли кавалергарда В. В. Шереметева изъ-за танцовщицы Истоминой). Съ нимъ угасъ графскій родъ Завадовскихъ.

Елена Михайловна все еще оставалась прекрасна. „Сѣверный цвѣтокъ“ еще долго сопротивлялся времени. Графъ М. Д. Бутурлинъ видѣлъ въ 1860 г. ее, „бывшую изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ лѣтъ тридцать передъ тѣмъ и все-таки мало измѣнившуюся въ этомъ 1860 году“. Ей было тогда пятьдесятъ три года. Умерла она 22 марта 1874 г.

N. Лернеръ.

А. Шнейдеръ. Декоративное панно. (Музикальная комната въ Троицкомъ, им. М. М. Скарятиной, Малоархангельского у. Орловской губ.)

ТАЙНЫ АНТИКВАРОВЪ.

Въ первые мѣсяцы войны на антикварномъ рынке возникла паника. Люди, жившіе и торговавшіе прошлымъ, были ошеломлены настоящимъ, и художественная старина серьезно подвергалась риску на нѣкоторое время совершенно обезцѣниться. Но затѣмъ коллекціонеры пришли въ себя, а вмѣстѣ съ ними ожили и антиквары, и въ пустовавшихъ лавкахъ снова появились покупатели. Понятно, ихъ было не столько, сколько прежде,—война все-таки не могла не отразиться на этой отрасли промышленности,—но во всякомъ случаѣ на антикварномъ рынке сдѣлки возобновились.

Въ настоящее же время, къ изумленію самихъ антикваровъ, интересъ къ художественной старинѣ еще болѣе повысился. Появился большой спросъ на фарфоръ, мебель и бронзу, а въ связи съ этимъ всякие раритеты сильно поднялись въ цѣнѣ, точно предметы первой необходимости.

Сильно разбогатѣвшій спекулянтъ, дѣлецъ, поставщикъ или посредникъ, еще недавно ютившійся гдѣ-нибудь въ Лѣсномъ или на Выборгской сторонѣ, спѣшить, какъ можно скорѣе, получше украсить свою новую квартиру на Сергиевской, куда только на дняхъ привезли изъ магазина мебель. Она еще пахнетъ свѣжимъ лакомъ, этажерки и шкафчики пустуютъ, а стѣны совершенно голыя. Разбогатѣвшій выскочка, естественно, опасается, что каждому бросится въ глаза отсутствіе мелочей, утверждающихъ давность всей обстановки. А кроме того, онъ что-то такое слышалъ объ искусствѣ, о художественныхъ вещахъ и знаетъ, что „теперь это принято въ хорошихъ домахъ“.

— Намъ надо *тоже* начать собирать старинные вещи,—говорить онъ въ минуту сладостнаго подъема отъ своего внезапнаго благополучія.

Онъ ровно ничего въ этомъ не понимаетъ, но, къ счастью, имѣются антикварные лавки, гдѣ подобраны всякия „бездѣлушкы“, давно его поджидающія.

На этой почвѣ и создался новѣйший изъ анекдотовъ, какъ одинъ изъ такихъ *parvenus*, показывая своему гостю только что приобрѣтенные раритеты, гордо заявляетъ:

— Это настоящій имитасіонъ!

Къ счастью для этихъ скороспѣлыхъ коллекціонеровъ,—имъ и въ этомъ везетъ!—теперь закрыты границы. Вотъ бы когда наступилъ золотой расцвѣтъ „настоящаго имитасіона“, имѣющаго свою индустрию—своихъ фабрикантовъ, коммивояжеровъ и цѣлую сѣть агентовъ. Впрочемъ, этотъ расцвѣтъ, вѣроятно, наступитъ послѣ войны.

* * *

Самая крупная изъ такихъ фабрикъ „имитасіона“ находится въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Искусство ея мастеровъ настолько велико, что даже знатоки испытываютъ благоговѣйный трепетъ передъ такими поддѣлками. Такъ, разсказываютъ про одного известнаго французскаго художника, что онъ однажды до того восхитился художественностью работы поддѣланныхъ подъ его манеру рисунковъ, что рѣшилъ поощрить талантъ поддѣлывателя и скрѣпилъ рисунки своей подписью.

Главными покупателями этихъ поддѣлокъ съ давнихъ порь являются англичане и американцы. Въ большинствѣ случаевъ, особенно, когда поддѣланная вещь увозится въ Америку, тайна ея остается не раскрыта. Боязнь попасться и оскандалиться очень мало тревожитъ американца: его посѣтители и знакомые разбираются въ художественной старинѣ еще меньше, чѣмъ онъ, и подлинность вещи врядъ ли кѣмъ-нибудь будетъ оспариваться. Поэтому американецъ самый желанный у антикваровъ покупатель:

что разъ къ нему попадеть, то ужъ больше никогда къ продавцу не вернется. А вотъ съ европейскимъ покупателемъ иногда случаются конфликты, и продавцу иной разъ приходится съ горькой миной получать проданныя вещи обратно и не доводить дѣла до суда, чтобы не разгласить тайны корпораціи антикваровъ, имѣющихъ свои понятія о чести.

Незадолго до войны на озеро Комо пріѣхалъ одинъ богатый англичанинъ. Въ Белладжіо, которое уже давно слыветъ какъ складочное мѣсто всевозможныхъ антиковъ, онъ нашелъ Распятіе, надгробный памятникъ, кресло епископа, алтарь и чашу для святой воды IV столѣтія. Послѣ долгаго торга англичанинъ покупаетъ эти вещи за 75 тысячъ лиръ и везетъ ихъ въ Парижъ. Тамъ знатоки тотчасъ же заявляютъ ему, что онъ вломился: вещи поддѣланы. Тогда англичанинъ требуетъ, чтобы ему вернули деньги. Антикваръ, скрѣпя сердце, соглашается. Но англичанинъ этимъ не удовлетворенъ и требуетъ еще возмѣщенія всѣхъ расходовъ по перевозкѣ и покупкѣ вещей.

Дѣло доходитъ до суда. Судъ присуждаетъ всѣ эти издергки, но во время судебнаго разбирательства обнаруживается, что древности дѣйствительно принадлежали одной старинной церковкѣ, хотя и не IV столѣтія, а нѣсколько болѣе поздняго происхожденія, и были оттуда выкрадены. Давность, правда, миновала, и поэтому антиквару не только ничто не угрожаетъ, но онъ еще получаетъ свои вещи обратно. На вопросъ суда, какъ могъ онъ рѣшился купить краденое, антикваръ заявляетъ, что покупалъ эти вещи въ твердомъ убѣждѣніи, что онъ не настоящія, и благодарить судъ, установившій ихъ подлинность. Послѣ этого онъ продаётъ Распятіе, алтарь, кресло епископа и чашу по другой оцѣнкѣ, значительно превосходящей первоначальную.

Слѣдуетъ замѣтить, что сами антиквары обычно покупаютъ художественную старину по очень дешевой цѣнѣ, и когда наталкиваются на рѣдкость, оцѣненную владѣльцемъ высоко, то всячески стараются обезцѣнить ее указаніемъ, что она не настоящая.

Характерный въ этомъ родѣ случай произошелъ недавно въ Россіи. Нѣкоторый антикваръ узнаетъ, что у одной дамы имѣется замѣчательной работы столикъ эпохи Людовика XVI, осматриваетъ его и убѣждаетъ владѣлицу продать ему этотъ столикъ за 3000 рублей. Дама соглашается, но, случайно узнавъ, что въ Петроградѣ живетъ страстный коллекціонеръ графъ N, который можетъ заплатить ей гораздо больше, отказывается отъ сдѣлки и рѣшаетъ сѣѣздить въ столицу. Тогда антикваръ подсыпаетъ къ ней человѣка, который называетъ себя графомъ, будто бы прослушавшимъ объ имѣющихся у нея старинныхъ вещахъ. „Графъ“ съ интересомъ осматриваетъ ея картины и мебель, но на столикъ не обращаетъ никакого вниманія, и на вопросъ владѣлицы, каково его мнѣніе объ этой вещи, равнодушно заявляетъ, что поддѣлокъ, хотя бы и искусственныхъ, не признаетъ, и что цѣна столику рублей 200—300. Мнѣніе знатока заставляетъ даму поторопиться съ продажей столика антиквару, который затѣмъ получаетъ за него огромную сумму.

Кромѣ фабрикъ старинной мебели и церковной утвари, имѣются еще „монетный дворъ“ для выдѣлки старинныхъ монетъ, греческихъ и римскихъ. Онъ находится въ Неаполѣ. Тамъ же выдѣлываются старинные украшенія — перстни, камеи и брошки, а также статуэтки.

Поддѣлыватели картинъ, особенно старинныхъ, имѣются во многихъ большихъ городахъ Европы,

въ томъ числѣ и въ Петроградѣ. Здѣсь успѣшио дѣйствовать художникъ В—чъ, забросившій свое несомнѣнное дарованіе оригинального художника ради материальныхъ выгодъ поддѣлывателя.

За послѣднее время: въ Германіи возникло нѣсколько новыхъ подобнаго же рода предпріятій, имѣющихъ своей задачей поддѣлывать старинныя гравюры. Установить такую поддѣлку очень трудно, для этого требуется большой опытъ и знакомство съ водянными знаками, имѣющимися на каждой старинной бумагѣ.

Ржавый цвѣтъ поблекшихъ чернилъ, подписи, даты и монограммы поддѣлываются безъ особаго труда, и поэтому онъ легко могутъ ввести въ заблужденіе даже знатока. Но вотъ старинную бумагу поддѣлать представляеть уже большія затрудненія. Прокопченная дымомъ и пропитанная кофейнымъ отваромъ, она дѣйствительно по оттенку своему можетъ сойти за старинную, но зато камнемъ преткно-

венія являются водянные знаки. По этому предмету возникла чуть ли не цѣлая новая наука, имѣющая свой словарь знаковъ. Онъ составился изъ данныхъ, собранныхъ группой любителей, обмѣнивавшихся другъ съ другомъ свѣдѣніями о своихъ находкахъ и наблюденіяхъ.

Три года назадъ во Франціи вызвало большой шумъ извѣстіе, что нѣкій антикваръ нашелъ подлинное завѣщаніе Людовика XVI, собственно ручно написанное имъ во время пребыванія его въ заключеніи. Тщательное изслѣдованіе бумаги, на которой было написано завѣщаніе, обнаружило водянной знакъ, относящейся къ эпохѣ Людовика не XVI, а XVIII, и такимъ образомъ поддѣлка была изобличена.

Среди русскихъ гравюръ поддѣлки до сихъ поръ, кажется, не встрѣчались. Это объясняется тѣмъ, что фальсификаторы ими совершенно не интересуются, имѣя въ виду лишь международный художественный рынокъ.

B. Ирецкій.

Заставка
А. П.
Шнейдеръ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТИЕ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ.

Исторія русской музыки вплоть до XIX вѣка представляла печальную картину длительного застоя или (начиная съ XVIII ст.) безсильнаго подчиненія низменнымъ вліяніямъ вырождавшейся итальянской музыки и ремесленного умѣнія малообразованныхъ музыкантовъ другихъ западныхъ странъ, попадавшихъ въ Россію. Высшіе образцы западноевропейской музыки различныхъ периодовъ ся развитія оставались у насъ неизвѣстными или извѣстными по названію, а талантливые молодые люди, которыхъ посылали за границу для обучения музыки, будучи лишены общаго образования и знаній иностраннѣхъ языковъ, приобрѣтали сравнительно небольшія познанія и, за исключеніемъ развѣ Бортнянского, не оказали замѣтнаго вліянія на развитіе музыки въ Россіи. Русскій народъ таилъ въ себѣ богатые музыкальные задатки, но они проявлялись только въ видѣ непосредственныхъ изліяний въ пѣсняхъ, сопровождавшихъ русского человѣка отъ колыбели до могилы. Формы пѣсенъ, былинъ, духовныхъ стиховъ и т. д. выражались непосредственнымъ художественнымъ чувствомъ, и самыя пѣсни не записывались, сохранившись лишь въ устной передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому.

Въ XVIII вѣкѣ высшіе и вообще образованные классы русскаго общества болѣе или менѣе близко соприкасались съ европейской жизнью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ европейской музыкой. Усвоивая большую часть лишь верхушки ученія, такъ называемыя "послѣднія слова науки", русские образованные люди поверхности ознакомились и съ европейской музыкой, а болѣе талантливые между ними начали сами сочинять. Владѣя болѣе или менѣе широкимъ умственнымъ развитіемъ и пользуясь независимымъ общественнымъ положеніемъ, эти дилетанты опередили мало развитыхъ русскихъ музыкантовъ и заняли господствующее положеніе въ русской музыке.

Первая половина XIX столѣтія принесла русскому музыкальному искусству небольшую, но драгоценную плеяду дѣятелей съ М. И. Глинкой во главѣ. Эти незабвенные дѣятели пробудили въ русскомъ обществѣ вниманіе къ серьезному искусству вообще и къ его национальнымъ чертамъ въ частности. Какъ естественное слѣдствіе этого, явилось то, что съ одной стороны

даровитые художники стали продолжать и дополнять все созданное начинателями культурной музыки въ Россіи, а съ другой стороны въ самомъ обществѣ народилась потребность въ учрежденіяхъ и кружкахъ, которые бы знакомили его съ величайшими художественными твореніями, и въ учебныхъ заведеніяхъ, которые давали бы контингентъ своихъ подготовленныхъ музыкантовъ и педагоговъ. Нужно было начать проводить въ русскую жизнь взглѣды на искусство, основанные на точно установленныхъ эстетическихъ законахъ, которые позволяли бы сознательно относиться ко всякому новому явленію въ этой области.

И вотъ вторая половина истекшаго вѣка послужила временнѣмъ начала широкого развитія учрежденій и обществъ, посвятившихъ свою дѣятельность отечественной музыке. Несомнѣнно самымъ крупнымъ явленіемъ здѣсь надо считать возникновеніе и ростъ Императорскаго музыкального общества, раскинувшаго свою дѣятельность по всей Россіи.

Если добрымъ гениемъ Петроградской консерваторіи былъ Антонъ Рубинштейнъ, то Московской былъ — Николай Рубинштейнъ. Онъ положилъ начало Московскому консерваторію устройствомъ музыкальныхъ классовъ. Цѣль теоретического преподаванія музыки была слишкомъ мало понята тогдашнему обществу, и первые успѣхи классовъ были далеко незавидны. Скорѣ, однако, и классы, постепенно расширяемые учредителями, завоевали себѣ болѣе или менѣе прочныя симпатии. Постепенно открывались новыя отдѣленія: пѣнія, скрипки, виолончели, фортепіано. Въ концѣ 1865 г. преподавателемъ гармоніи явился П. И. Чайковскій.

Въ 1865 году классы уже были настолько широки и завоевали себѣ такое сочувствіе, что открытие консерваторіи было вопросомъ подготовленнымъ и назрѣвшимъ. Въ художественномъ отношеніи оно было подготовлено тѣмъ, что среди педагогического персонала классовъ были налицо силы весьма крупныя, а въ матеріальномъ отношеніи тѣмъ, что къ этому времени число учащихся было уже значительно. Кроме того, на открытие консерваторіи поступали пожертвованія.

По ходатайству Августѣйшей Покровительницы общества, Великой Княгини Елены Павловны, 24 декабря 1865 года послѣдо-

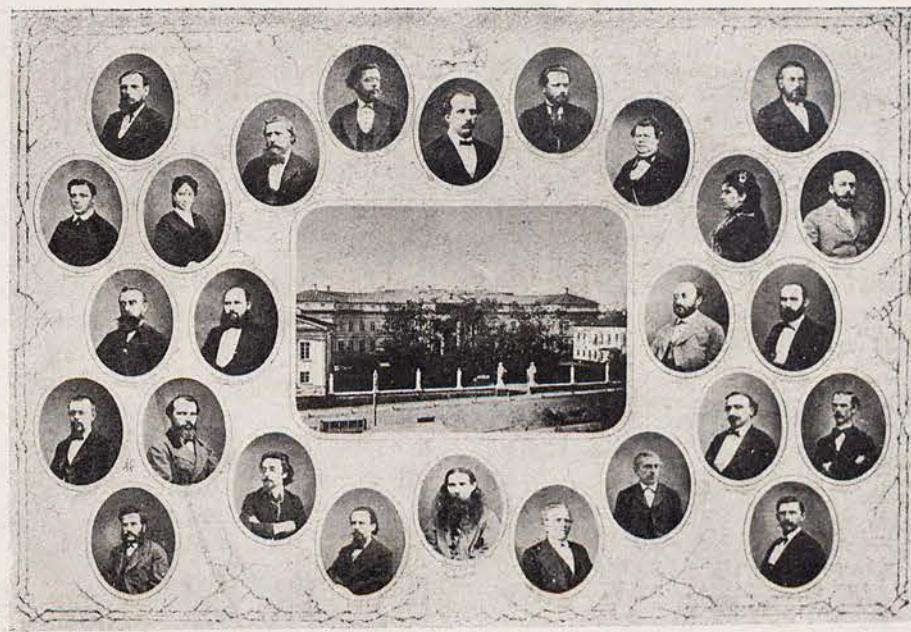
вало Высочайшее соизволение Императора Александра II на открытие консерватории.

Съ этой цѣлью было нанято помѣщеніе на Воз-
движенкѣ въ домѣ баронессы Черкасовой, и 1-го сен-
тября 1866 года состоялось торжественное открытие
консерватории. Директоромъ былъ утвержденъ Н. Г.
Рубинштейнъ.

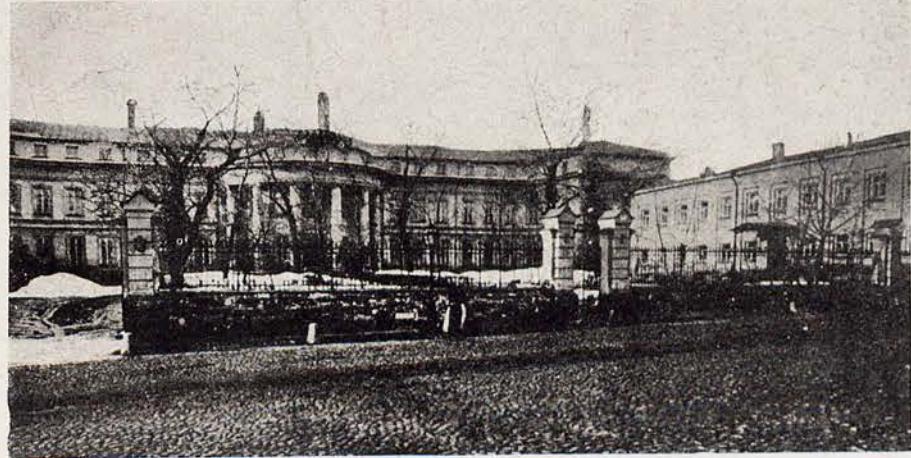
Постоянно открывались цвые классы, и изъ са-
мой практики дѣла руководители черпали материалъ для
выработки стройныхъ въ программахъ и преподаваніи.

Въ 1870 году состоялся первый выпускъ учащихся
(Андронова, Зографъ и Муромцева), и въ этомъ же
году было положено начало ученическимъ опернымъ и
драматическимъ спектаклямъ. Одинъ изъ этихъ
спектаклей въ 1872 году способствовалъ получению
ежегодной субсидіи въ 20.000 рублей и упроченію,
благодаря этому, существованія консерватории.

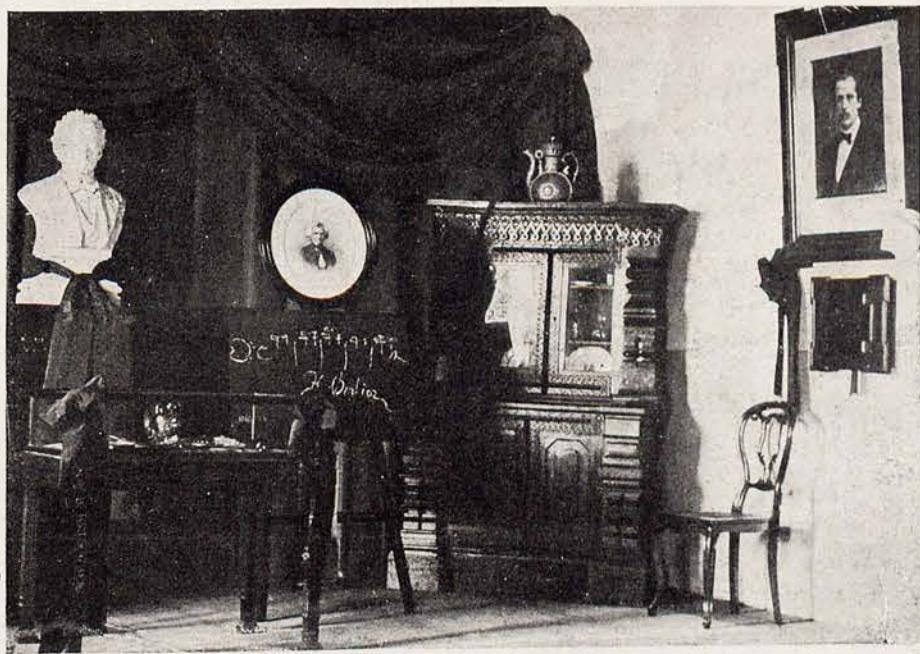
Приблизительно въ это время дирекція консерва-
тории наняла домъ князя Воронцова на Большой Ни-
китской, который уже въ 1877 году былъ пріобрѣ-
тенъ въ собственность.

Московская Консерваторія и ея дѣятели. (Вильшанъ, Кашкинъ, Вельзенъ,
Клиндвортъ, Губертъ, Н. Г. Рубинштейнъ, Чайковскій, Дюбюкъ, Э. Ланнеръ,
Александрова - Кочетова, Зейлеръ, Шнекинъ, Фитценгаенъ, Бартольдъ, Ка-
шперовъ, Радзмадзе, Гутъ, Альбрехтъ, Разумовскій, А. Ляннеръ, Звѣревъ,
Лаубъ, Гримали, Гальвани, Бюхнеръ, Рихтеръ).

Московская Консерваторія. Первоначальный видъ.

Часть кабинета Н. И. Рубинштейна (хранится въ Музѣи Моск. Консерватории). На доскѣ автографъ Берліоза.

M. P.

Въ складѣ. Пріемъ пожертвованій.—Вел. Княг. Марія Павловна.
М. К. Рейтернъ, С. Ф. Ванлярская, С. П. Дурново, Е. Э. Исакова.

УЧРЕЖДЕНИЯ ИМЕНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ ПАВЛОВНЫ.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“. Снималъ Я. Штейнбергъ.

Складъ Имени Е. И. В. Великой
Княгини Маріи Павловны.
У подъѣзда подводы, груженныя теплыми и др.
вещами для арміи.

Работа въ складѣ.
Шитье бѣлья.

Е. И. В. Велик. Княг.
Марія Павловна.
Среди присутствую-
щихъ—М. Львова, С. А.
Гравъ, С. Ф. Ванлярская,
М. В. Ратынская, г-жа Ер-
молова, г-жа Веретенин-
кова.

Работа въ складѣ.
Герцогиня Лейхтенберг-
ская, г.-л. бар. В. Р. Кнор-
рингъ, М. К. Рейтеринъ,
О. А. Рейтеринъ, Т. Н. Ува-
рова, С. В. Прутченко,
Н. Н. Мартыновъ.

Посѣщеніе Е. И. В. Великою Княгинею Маріею Павловною лазарета Русско-Азіатскаго банка.
Среди присутствующихъ—М. М. Давыдова, кн. Н. А. Бебутова, Н. В. Сафонова, В. Ф. Давыдовъ, д-ръ Л. В. Смирновъ,
д-ръ М. И. Верболовскій.

Открытие въ присутствіи Великой Княгини Маріи Павловны отдѣленія складовъ
Имени Е. И. В. на Каменоостровскомъ проспектѣ;

Е. И. В. Великая Княгиня Марія Павловна среди персонала № 1 Своего Имени тылового военно-
санитарного поѣзда.
Среди присутствующихъ—Е. П. Разумовская, Н. М. Черняева, Т. М. Черняева, Е. Е., Обязова, полк. К. А. Мессакуди, камергеръ
А. Д. Крупенскій, Л. С. Гулевичъ, Г. В. ф.-Гельмерсенъ.

PENSÉES FUGITIVES.

Почему-то принято думать, что съ годами человѣкъ умнѣеть.
Не наоборотъ ли?
Говорять: ему двадцать лѣтъ, но онъ еще такъ глупъ...
Не лучше ли: ему двадцать лѣтъ, но онъ уже такъ глупъ?...

* * *

Самому маленькому человѣку хочется быть оригинальнымъ, не такимъ, какъ всѣ. Способы достичь оригинальности безконечны. Я зналъ въ Рязани съраго, унылого, смиренного чиновника, который ни съ того, ни съ другого взялъ да выучился по-голландски.

— Что это вамъ вздумалось учиться голландскому языку? — спрашивали его иногда.

Онъ улыбался торжествующе и наивно:

— Да вѣдь кто же въ Рязани знаетъ по-голландски?...

* * *

Много на Руси картежниковъ, но, право, „идейныхъ“ людей гораздо больше. И понятно: карты требуютъ и денегъ, и времени, и даже извѣстной душевной энергіи, а идеи ни копѣекъ не стоять и рѣшительно ничего не требуютъ.

* * *

Если книгу не хочется прочитать во второй разъ, ее не стоило читать и въ первый.

Ap.

Рис. С. Лодыгина.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ И ЦЫГАНЫ.

Въ Москвѣ, если „вамъ хочется звуковъ, вамъ хочется выраженія для этой неопределенней, непонятной, тоскливой хандры — и благо вамъ, если у васъ есть двѣ, три, четыре сотни рублей, которыя вы можете кинуть задаромъ,—о! тогда, увѣряю васъ честью порядочнаго зѣваки — вы кинетесь къ цыганамъ, броситесь въ ураганъ этихъ дикихъ, странныхъ, томительно-странныхъ пѣсень, и пусть тяготѣло на васъ самое полное разочарованіе, я готовъ прозакладывать мою голову, если васъ не будетъ подергивать (свойство русской натуры), когда Машастанетъ томить вашу душу странною пѣснею, или когда бѣшеный, неистовый хоръ подхватитъ послѣдніе звуки чистаго, звонкаго, серебрянаго Стесни: „Ахъ! ты слышишь ли, разумѣешь ли?...“ Не элань, не эвзъ, — но другое, скажете вы, распустивши русскую душу во всю распашку...“

Такъ писалъ въ 1847 году въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ („Москва и Петербургъ. Замѣтки зѣваки. I. Вечера и ночи кочующаго варяга въ Москвѣ и Петербургѣ“) Аполлонъ Григорьевъ, проводя контрастную параллель между фантастически мрачнымъ, угрюмымъ Петербургомъ 1840-хъ годовъ и Москвою.

Колоритная Москва, какъ всегда и во всемъ оригинально-стихийная, была колыбелью цыганства. Хоровое цыганское пѣніе стало у насъ входить въ моду, по преданию, во времена Екатерины Второй. Это были цыганы, вывезенные графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ изъ Молдавии и поселенные въ подмосковномъ селѣ Пушкинѣ. Изъ Москвы цыганское пѣніе разлилось по всей Россіи, и съ 20-хъ гг. по 60-е гг. прошедшаго столѣтія безумствовала эта пѣсня, покоряя сердца.

Цыганы были какъ бы составной частью тогдашней русской культуры, являясь виртуозными исполнителями русскихъ народныхъ пѣсентъ въ своеобразномъ преломленіи цыганщины. Въ Москвѣ цыганы въ старыя времена составляли необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, въ Марьиной Рощѣ, подъ Новинскимъ, — они пѣли и плясали публично на эстрадахъ, какъ для благородныхъ особы, такъ и для „подлыхъ людей“. Цыганскимъ пѣніемъ увлекались не одни только подлившие гуляки: знаменитая пѣвица Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стесни, прозванной Свининой, въ честь ея, русской Каталани; Листъ и другія музыкальныя свѣтила посѣщали московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ.

Вотъ какъ одинъ изъ современниковъ описываетъ мѣста цыганскихъ становищъ въ Москвѣ и пѣніе цыганъ:

„Если вы, катаясь по Москвѣ, заѣдете въ Грузины и Садовую, то въ маленькихъ, неопрятныхъ домахъ увидите расположенные таборы цыганъ. Они среди шумнаго, образованнаго города ведутъ ту же дикую буйную жизнь степей; обманы лошадьми, гаданья, музыка и пѣсни, вотъ ихъ занятія. Любопытно видѣть,

когда ночью молодежь, преимущественно изъ купцовъ, подъѣхавши къ маленькому дому, начинаетъ стучать въ калитку. Въ то же мгновеніе огоньки метеорами начинаютъ блестѣть въ окнахъ, и смуглай, курчавая голова цыганы выглядываетъ изъ калитки. На слова кучеровъ: встрѣчайте, господа приѣхали! цыганъ съ хитрою, довольно улыбкою отворяетъ ворота и, величая всѣхъ поименно, произносить иногда имена наудачу, желая тѣмъ показать свое вниманіе къ посѣтителямъ. Вы вошли въ комнаты и уже слышите аккорды гитары, видите, съ какою живостію цыганки набрасываютъ на себя капоты, блузы и пестрые платки; тамъ подъ печкою цыганъ ищетъ свои сапоги; въ одномъ углу разбуженный цыганенокъ, вскочивъ, спѣшить поднять своихъ собратовъ, а въ другомъ старая цыганка, прикрывъ лульку, собираетъ изломанные стулья для хора, и въ пять минутъ весь таборъ поетъ, стройный, веселый, живой, какъ будто никогда не предавался обычному отдохновенію тихой ночи. Разгульныя пѣсни цыганъ можно назвать смѣшеніемъ стихій: это дождь, вѣтеръ, пыль, и огонь — все вмѣстѣ. Прибавьте къ тому: сверкающіе глаза смуглыхъ цыганокъ, ихъ полу-прикрытыя, часто роскошныя формы, энергическое движение всѣхъ членовъ удалаго цыгана, который поетъ, пляшетъ, управляетъ хоромъ, улыбается посѣтителямъ, прихлебываетъ вино, бренчитъ на гитарѣ и, бѣснуясь, кричать во все горло; сага баба, ай люли! Ничто не располагаетъ такъ къ оргіи, какъ ихъ буйные напѣвы; если горе лежитъ у васъ камнемъ на сердце, но это сердце еще не совсѣмъ охладѣло къ впечатлѣніямъ жизни, то свободная пѣснь цыганъ разсѣеть хоть на минуту тоску вашу“ (П. Вистенгофъ. Очерки Московской жизни. М. 1842).

Это былъ русский романтизмъ. И натуры, такія ли какъ Елецкий („Цыганка“ Боратынского), или такія, какъ „очарованный странникъ“ (Лѣскова), одинаково охватывали „темный морокъ цыганскихъ пѣсентъ“, этотъ бредъ, услада и растрата необузданнѣхъ, кипучихъ силъ, созданныхъ хищными набѣгами вольныхъ про странствій Россіи на человѣческую душу и борьбою съ ними.

Въ наши дни г. де Лазари поетъ подъ гитару „Цыганскую венгерку“:

Дѣ гитары, зазвенѣвъ,
Жалобно заныли...
Съ дѣтства памятный напѣвъ,
Старый другъ мой, ты ли?

Какъ тебя мнѣ не узнать?
На тебѣ лежить печать
Буйнаго похмелья,
Горькаго веселья.

Это ты, загулъ лихой,
Ты — сліянье грусти злой

Съ сладостраствемъ баядерки—
Ты, мотивъ венгерки!

и т. д. Многимъ ли извѣстно, что эта пѣсня-романсъ-стихотворение, называйте какъ угодно, не сочинена цыганами, а принадлежит Аполлону Григорьеву? Пыляевъ, въ „Старомъ Петербургѣ“, утверждаетъ, что „Цыганскую венгерку“ Григорьевъ написалъ за бѣство у извѣстного цыганского пѣвца Ивана Васильева, положившаго стихотвореніе на музыку, причемъ увѣряетъ, что оно напечатано не было. Между тѣмъ оно еще въ 1857 году появилось въ „Сынѣ Отечества“, въ циклѣ XVIII стихотвореній Григорьева подъ заголовкомъ „Борьба“. Многія изъ нашихъ бабушекъ и матерей знаютъ также романъ „Нѣть, за тебя молиться я не могу“ и очень удивляются, услыхавъ, что онъ сочиненъ Григорьевымъ.

Твои движенія гибкія,
Твои кошачьи ласки,
То гнѣвомъ, то улыбкою
Сверкающіе глазки...

Слова тоже Григорьевскія.

Но если двухъ послѣднихъ стихотвореній мало, чтобы помянуть добрымъ словомъ Григорьева, то „Цыганской венгерки“ одной вполнѣ для этого достаточно. „Цыганская венгерка“, независимо отъ всякой цыганчины, одинъ изъ первовъ русской лирики, единственная въ своемъ родѣ вещь. Григорьевъ самъ пѣвалъ ее подъ аккомпанементъ гитары. „Венгерка“ была его любимой пѣсней.

Исторію происхожденія „Цыганской венгерки“ мы и хотимъ разсказать здѣсь.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ (род. 1822, ум. 1864), едва ли не лучшій литературный нашъ критикъ и весьма даровитый поэтъ, основательно, какъ все неподходящее подъ общую мѣрку, забытый потомствомъ, да и у современниковъ носившій кличуку „чудака“, тѣсными узами связанный съ цыганствомъ. Но не только какъ кровный москвичъ и поклонникъ цыганской пѣсни; не только личнымъ знакомствомъ съ Иваномъ Васильевымъ, водившимъ дружбу и съ другими литераторами; не только какъ поэтъ и авторъ вышеназванныхъ стихотвореній и статьи „Русскій народная пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны“ (перенесдана въ выпускъ 14-мъ „Собрания Сочиненій Аполлона Григорьева“, подъ редакціей В. Ф. Саводника, М., 1915). Корень этой связи глубже грачище. Корень ея—любовь, весьма странно, весьма причудливо и капризно преломившаяся сквозь призму романтического увлечения цыганствомъ.

Исторія этой любви до самыхъ послѣднихъ дней оставалась тайной. Одни изъ друзей покойного критика не знали о ней, повидимому, ничего, другіе—преднамѣренно, какъ Страховъ, молчали, связанные невозможностью сказать что либо о виновнице этого дѣла, тогда еще существовавшей на свѣтѣ.

Однако, прежде чѣмъ разсказывать эту исторію, необходимо остановиться на очеркѣ Фета, его разсказѣ „Кактусъ“, въ которомъ выведены Григорьевъ и молодая цыганка, увлекшая степенность Аѳанасія Аѳанасьевича своимъ пѣніемъ. Эта очеркъ введенъ насъ in medias res.

Въ 1856 году Фетъ проживалъ въ отпуску въ Москвѣ, на Басманной. Здѣсь, послѣ 12 лѣтъ разлуки, онъ снова встрѣтился со старымъ товарищемъ и однокашникомъ по Московскому университету, Григорьевымъ. Дѣло происходило лѣтомъ. „Григорьевъ, дневно являлся ко мнѣ на Басманную изъ своего отцовскаго дома на Полянкѣ. Это огромное разстояніе онъ неизмѣнно проходилъ пѣшкомъ, и вдобавокъ съ гитарой въ рукахъ. Смолоду онъ учился музикѣ у Фильда и хорошо игралъ на фортепіано, ставъ страстнымъ цыганистомъ, промѣнявъ рояль на гитару, подъ которую слабымъ и дрожащимъ голосомъ пѣлъ цыганскія пѣсни. Къ вечернему чаю ко мнѣ нерѣдко собирались два-три пріятеля-энтузиаста, и у насъ завязывалась оживленная бесѣда. Входилъ Аполлонъ съ гитарой и садился за нескончаемый самоваръ. Несмотря на бѣдный голосокъ, онъ доставлялъ искренностію и мастерствомъ своего пѣнія дѣйствительное наслажденіе. Онъ собственно не пѣлъ, а какъ бы пунктиромъ обозначалъ музыкальный контуръ пѣсни“.

— Спойте, Аполлонъ Александровичъ, что-нибудь.

— Спой въ самомъ дѣлѣ.—И онъ не заставлялъ себя упрашивать. Пѣвалъ онъ по цѣлымъ вечерамъ, время отъ времени освѣжаясь новымъ стаканомъ чаю, а затѣмъ нерѣдко около полуночи уносилъ домой пѣшкомъ свою гитару. Репертуаръ его былъ разнообразенъ, но любимою его пѣсней была венгерка, перемежавшаяся припѣвомъ:

Чибирикъ, чибирикъ, чибиришечки,
Съ голубыми ты глазами, моя душечка.

Понятно, почему эта пѣсня пришла къ нему по душѣ, въ которой набѣгавшее скептическое вѣяніе не могло загасить пламенной любви красоты и правды. Въ этой венгеркѣ сквозь комически-плясовую форму прорывался тоскливы разгуль погибшаго счастья. Особенно отѣняль онъ куплетъ:

Подъ горой то-ольха,
На горѣ-то вишня;
Любиль баринъ цыганочку,
Она замужъ вышла“.

По обыкновенію всѣхъ мемуаристовъ, Фетъ запамятовалъ и сдѣлалъ ошибку: приведенное имъ четверостишие не принадлежитъ Григорьеву, первые же два стиха, хотя и искаженные Фетомъ, дѣйствительно Григорьевскіе.

Дальше въ разсказѣ „Кактусъ“ идетъ рѣчь о томъ, какъ Григорьевъ возилъ своего друга въ Грузину къ Ивану Васильеву послушать пѣніе влюбленной цыганки, красавицы Стеши.

„Слегка откинувшись свою оригинальную, дѣтски-задумчивую голову на дѣйствительно тяжеловѣсную, съ отливомъ воронова крыла, косу, она вся унеслась въ свои пѣсни. Увѣренный, что теперь она не обратитъ на меня ни малѣйшаго вниманія, я придвигнулся къ своей стулья настолько, что могъ видѣть ее почти въ профиль, тогда какъ до сихъ порь могъ любоваться только ея затылкомъ. Когда она запѣла:

Вспомни, вспомни, мой любезный,
Прежнюю нашу любовь,

чуть замѣтная слезинка сверкнула на ея темной рѣсицѣ. Сколько нѣги, сколько грусти и красоты было въ ея пѣніи! Но вотъ она взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла пѣсню, которую я только въ первой молодости слыхивалъ у московскихъ цыганъ, такъ какъ современные пѣть ее не рѣшались. Пѣсня эта, не выносящая посредственной пѣвицы, извѣстная:

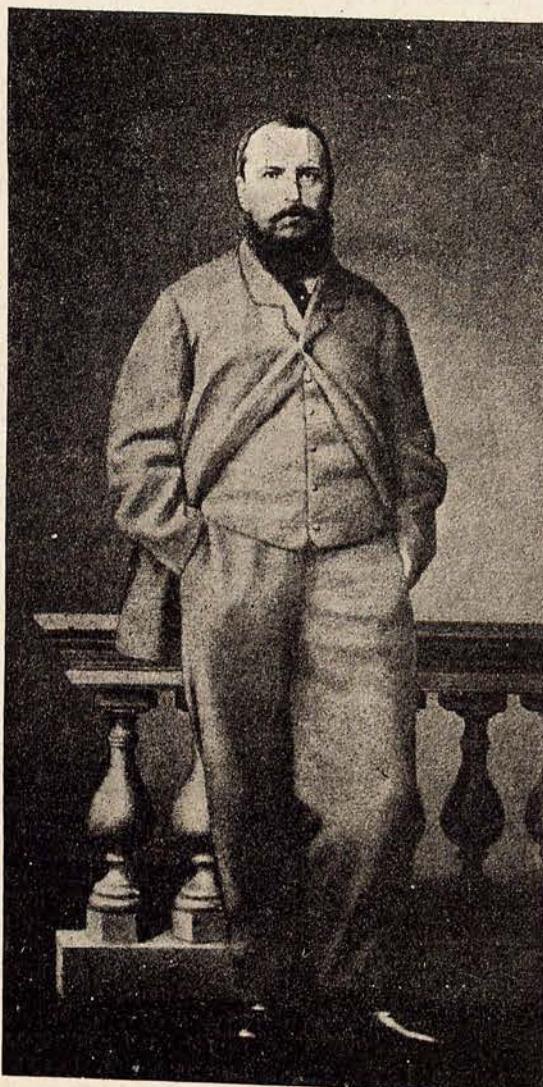
„Слышишь ли, разумѣешь ли?“

Стеша не только запѣла ее мастерски, но и расположила куплеты такъ, что только съ тѣхъ порь самая пѣсня стала для меня понята какъ высокій образчикъ народной поэзіи. Она спѣла такъ:

Ахъ ты злодѣй, ты злодѣй,
Добрый молодецъ.
Во моемъ ли саду
Соловей поетъ,
Громко свищетъ.
Слышишь ли,
Мой сердечный другъ?
Разумѣешь ли,
Жизнь-душа моя?

Пѣсня полна всевозможныхъ переливовъ, управляемыхъ минутнымъ вдохновеніемъ. Я жадно смотрѣлъ на ея лицо, отражавшее всю охватившую ее страсть. При послѣднихъ стихахъ слезы градомъ побѣжали по ея щекѣ. Я не выдержалъ, вскочилъ со стула, закричалъ: браво! браво! и въ ту же минуту опомнился. Но уже было поздно. Стеша, какъ испуганная птичка, упорхнула“.

О томъ, какія чувства испытывалъ въ это время Григорьевъ, Фетъ не говорить ни слова. Между тѣмъ въ годъ описываемыхъ событий драма, начало которой было положено еще пять лѣтъ назадъ, приближалась къ концу: та, которую любилъ Григорьевъ, вышла замужъ. Въ слѣдующемъ, 1857 году онъ уѣхалъ заграницу въ качествѣ воспитателя князя Ивана Юрьевича Трубецкого (умеръ лѣтомъ 1915 года въ Парижѣ). Въ Италии Григорьевъ написалъ поэму: „Venezia la bella. Дневникъ странствующаго романтика“. Въ ней онъ туманно и осторожно для непосвященныхъ

Аполлонъ Григорьевъ.

(Съ копіи, принадлежащей Пушкинскому Дому при Академіи Наукъ).

асается недавней своеї раны. Благородно ли, однако, спрашивать Григорьевъ, пытаться говорить о томъ, что нужно останово бречь, лелѣять, свято чтить? И отвѣчаетъ:

Да! это безобразно и ничтожно...

Я знаю самъ... Но такъ тебя любить
Другому, кто бъ онъ ни былъ,—невозможно...
Гдѣ бъ ни былъ я, куда бъ судьба меня
Ни бросила—съ собой мечту одну я
Ношу вѣздъ: въ толпѣ ли, въ шумѣ ль дня,
Одинъ ли, въ ночь безсонную тоскуя,
Какъ молодость, какъ свѣтъ, какъ благодать
Зову тебя!

Первую половину 1850-хъ г. Аполлонъ Григорьевъ читалъ самою лучшео, самою вѣтлою порою своей жизни. Іѣльнымъ и яркимъ явленіемъ ѿ московской жизни начала О-хъ гг. былъ кружокъ, образовавшися вокругъ Островскаго. Помѣщики этого кружка и задушевныя сходки подробно описаны С. В. Максимовымъ и И. Ф. Горбуновымъ. Время, проведенное въ кружкѣ, было для Григорьева „настоящою молодостью“. Все „народное“, даже „мѣстное“, что окружало мое воспитаніе,—писалъ онъ въ послѣдствіи,— все, что я на время успѣлъ очти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяниямъ науки и литературы, поднимается въ душѣ съ нежданною силою и растетъ, растетъ о фанатической, исключительной вѣри, до нетерпимости, до рабопанды“... Въ одномъ письмѣ изъ заграницы вспоминается нѣя собранія кружка, извѣстного въ истории литературы ѿдѣ названіемъ „молодой реакціи Москвитянина“, хотя далеко не всѣ его члены работали въ этомъ журнальѣ Погонина. Собранія происходили неѣдко въ винномъ погребкѣ, въ миломъ погребкѣ друга нашеаго Михайлы Ефремыча (который тоже допился до бѣдовъ)—подъ звуки венгерки въ гитары... мѣстѣ безпутства поэзіи, монологовъ изъ „Макареда“ въ пьяномъ образѣ, заѣтныхъ пѣсенъ: „Улетаетъ мой околикъ“, „Вспомни“, „Дорогенка“, „Прияха“,—вдохновеніяхъ и могучихъ рѣчей Островскаго, остроумія Евгения, головы Филиппова и Михайлы Ефремова, серезности и осторожности Садовскаго, тонкаго ма Дмитрія Визара, метеорства скончанника Дьякова... всего, всѣго, что называется молодость, езупутство, любовь, безуміе, безобразіе, поэзія“...

Въ 1851 году Григорьевъ ознакомился со семьею Якова Ивановича В., бывшаго воспитанникомъ въ мужскомъ отдѣленіи Воспитательного дома въ Москвѣ. Григорьевъ въ этомъ среднемъ учебномъ заведеніи преподавалъ словесность. Я. И. В. былъ по уму и воспитанію русскимъ: Москва была его родиной. По религіи онъ былъ кальвинистъ. Чистый математикъ по образованію, полученному въ одномъ изъ швейцарскихъ университетовъ, онъ однако занимался преподаваніемъ „parler franÃ§ais“, что было въ времена болѣе выгоднымъ занятіемъ. Жили В. въ главномъ корпушѣ дома, и во время большой перемѣны Я. И. неѣдко приглашалъ чителей къ себѣ „выкурить трубку“. Но изъ всей учительской массы только одинъ Апол. Алекс., по его же выражению, „пришелъ ко двору“ и стала настоящими знакомыми. Вскорѣ онъ близился къ мужской половинѣ семьи, такъ какъ былъ, по словамъ лица, сообщившаго намъ эти свѣдѣнія, „очень пріятнѣй обесѣдникомъ—умный, подвижный, живой, обладаю большимъ апасомъ разнообразныхъ знаній. Была у него довольно большая библиотека“. Подъ предлогомъ снабжать книгами женскую полови-

ю любилъ одну изъ дочерей В., Леониду Яковлевну. Она была „замѣчательно изящна, очень умна, хорошенькая, талантлива, превосходная музыкантша... Умъ у нея былъ очень живой, но характеръ очень сдержаный и осторожный. Григорьевъ часто съ дадой называлъ ее пуританкой. Противоположностей въ ней было масса, даже въ наружности. Прекрасные, густѣйши, даже съ синеватымъ отливомъ, какъ у цыганки, волосы и голубые, большие, прекрасные глаза. Съ ея стороны не было взаимности никакой“.

Трагизмъ всему положенію придавало еще то, что Григорьевъ былъ давно женатъ, имѣлъ трехъ сыновей.

Въ 1856, а быть можетъ и въ началѣ 1857 года, Л. Я. вышла замужъ за инженеръ-поручика, помѣщика Чембарского уѣзда Пензенской губерніи и драматурга, автора комедій „Купецъ-лабазникъ“ и „Омутъ“, изъ которыхъ первая по дарованію, не уступала знаменитому „Банкроту“ Островскаго, Михаила Николаевича Владыкина (род. 1830, ум. 1887) и уѣхала изъ Москвы на родину мужа.

Вотъ кто былъ тотъ „свѣтлый сильфъ съ душой изъ крѣпкой стали“, котораго „такъ любить другому, кто бъ онъ ни былъ, невозможно“. Ясно, что „Цыганская венгерка“, написанная въ 1856-57 гг., была заключительнымъ аккордомъ разыгравшейся драмы.

Чибириакъ, чибириакъ,
чибирияшечка,
Съ голубыми ты глазами, моя
душечка!

Замолчи, не занывай,
Лопни, квинта зла!
Ты про нихъ не поминай...
Безъ тебя ихъ знаю!
Въ нихъ хоть разъ бы поглядѣть
Прямо, ясно, смѣло!
А потомъ и умереть
Плевое ужъ дѣло!

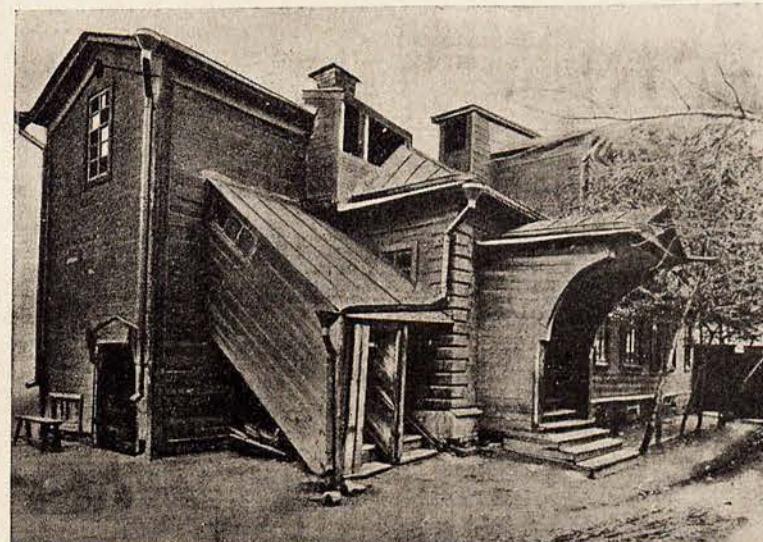
И еще:

Басанъ, басанъ, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Безъ возврата, безъ возврата...
Что за дѣло, ты моя!
Развѣ любить онъ, какъ я?
Нѣть—ужъ это дудки!
Доля злая ты моя,
Глупы эти шутки!
Намъ съ тобой, моя душа,
Жизнь жить одною,
Жизнь вдвое таѣ хороша,
Порознь—горе злое!
Эхъ, ты жизнь, моя жизнь...
Къ серцу сердцемъ прижмись!
На тебѣ грѣха не будетъ,
А меня пусть люди судятъ,
Меня Богъ проститъ...
Что не ноешь ты, мое
Ретиво сердечко?
Я увижу лѣ у нея
На рукѣ колечко!..
Басанъ, басанъ, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Безъ возврата, безъ возврата!
Эхъ-на ты, завей
Веревочкой горе...
Загуляй да запей,
Топи тоску въ морѣ!

Домъ Григорьевыхъ въ Москвѣ, на Малой Полянкѣ, у Спаса въ Наливкахъ, въ Замоскворѣчье.

(Съ фотографіи 1915 г., принадлежащей Пушкинскому Дому при Имп. Академіи Наукъ).

То же. Видъ со двора.

„Цыганская венгерка“, „тоскливы разгуль погибшаго счастья“, по словамъ Фета, была прощаньемъ съ невозвратимъ прошлымъ... „Для одной только женщины, писалъ Григорьевъ, въ мірѣ могъ я изъ бродяги-безсемейника, кочевника, обратиться въ почтенного и можетъ быть (чего не можетъ быть?), въ нравственного мѣщанина... Да нѣть! Зачѣмъ хочу я намѣренію нбросить тѣнѣ насышки на то, что было свято какъ молитва, полно какъ жизнь, съ чѣмъ сливалась и вѣра въ борьбу, на чёмъ выросла и окрѣпла религія свободы?.. Зовите меня сумасшедшемъ, другъ мой, но я и умирая не повѣрю, чтобы эта женщина была не то, чѣмъ душа моя ее знала“...

Любовь, Москва, вторая „настоящая молодость“ въ кружкѣ Островскаго, дружба съ цыганами, все минуло. Изъ заграницы Григорьевъ, какъ въ дни юности, вернулся въ Петербургъ, гдѣ и застигла его преждевременная смерть.

Влад. Княжнинъ.

„Письмо”, рис. Миссъ.

С. И. ЮНКЕРЪ.

Художница София Ивановна Юнкеръ, рожденная Крамская, осталась послѣ смерти отца дѣвушкой-подросткомъ, занималась подъ его руководствомъ живописью не болѣе двухъ лѣтъ.

И. Н. Крамской, чрезвычайно строго въ области искусства относившейся и къ себѣ, и къ другимъ,—послѣ первого же опыта дочери масляными красками—портрета г. В. И. И.—сталь наставлять, чтобы она учила живописи серьезно, но дочь, у которой

Художн. Соф. Ив. Юнкеръ, рожд. Крамская.

обнаружился еще прекрасный голосъ, увлеклась пѣніемъ и нѣсколько отвлеклась отъ живописи. Однако, по смерти отца она не забросила любимаго искусства и продолжала заниматься рисованіемъ подъ руководствомъ художника Литовченко, а позже акварелью у покойнаго А. П. Соколова, пользовалась также совѣтами Куинджи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ одной знакомой англичанкой, С. И. Крамская уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ. Это была веселая, красивая жизнь, столь захватывающая молодыхъ художниковъ! „Купались“, жадно впитывали атмосферу искусства и наслаждались этими пере-

Дама просто пріятная и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. „Онъ собирается увезти губернаторскую дочку“. (Мертвые души, ч. I, гл. 9). Миніатюра раб. С. И. Юнкеръ.

Головка боярыни.
Миніатюра раб.
С. И. Юнкеръ. (Собр.
О. Г. Базанкура).

Портретъ-миніатюра лорда N.

живаніями. Съ восьми утра до 12 — усердное рисование въ atelier съ живой модели; иногда заходилъ къ молодымъ художникамъ старый другъ Крамского—М. М. Антокольскій, подбадривавъ, дававъ указанія, совѣты... а затѣмъ цѣлые дни, до изнеможенія—Louvre, Luxembourg, выставки, дворцы — сплошной праздникъ молодости, богатыхъ силъ души и таланта.

Вернувшись въ Петроградъ освѣженная и болѣе увѣренная въ себѣ, С. И. продолжала много и усердно работать.

Выставляла она и выставлять очень мало. Причиною тому—строгость къ себѣ, доходящая до мнительности, до болѣзни. Цѣлый каталогъ составился бы изъ всѣхъ написанныхъ ею картинъ и казенныхъ портретовъ. Въ числѣ послѣднихъ—портретъ Императрицы Маріи Феодоровны (для русского отдѣла на выставкѣ въ Чикаго), другой портретъ (наход. у Вел. Кн. Ксении Александровны), еще одинъ находящійся въ Гатчинѣ, нѣсколько портретовъ Императрицы Александры Феодоровны (въ томъ числѣ заказной для Павловскаго полка), портреты Великихъ Князей и Княгини Елены Владимировны (акварель въ ростъ, наход. у Ея Высочества), Елизаветы Мавrikіевны—наход. у Ея Высочества, такъ же, какъ и портр. Вел. Кн. Константина Константиновича въ костюмѣ Гамлета, Вел. Кн. Михаила Александровича (для Гатчины), Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны, Наслѣдника Цесаревича (наход. у Ея Величества), и множества лицъ свѣтскаго и артистического міра, — Алексан. Никол. Нарышкиной, писательницы М. В. Карташевой-Крестовской, докт. Боткина, В. Н. фонъ-Дервизъ, графа Воронцова-Дашкова и его дочери, Мар. Гавр. Савиной и мн. др.

Въ послѣдніе годы С. И. увлекается миніатюрой—какъ портретами, такъ и композиціями, образцы которыхъ и воспроизводятся при настоящей статьѣ.

О. Б—ръ.

ВЫСТАВКА А. П. ШНЕЙДЕРЬ.

Болѣе двухсотъ большихъ, маленькихъ и совсѣмъ крохотныхъ, не больше дамской брошки, акварелей посвящены почти исключительно русской флорѣ.

Мягкія краски сѣверныхъ садовъ и луговъ чередуются съ яркими, цвѣтистыми пятнами и буйной зеленою знойнаго юга.

Художница умѣло передаетъ характерныя особенности каждого цвѣтка и съ большимъ вкусомъ выбираетъ свои мотивы. Въ отличие отъ другихъ флеристокъ, обыкновенно превращающихъ природу въ „мертвую натуру“ въ видѣ корзинокъ съ ландышами

А. П. Шнейдеръ.
Розы.

А. П. Шнейдеръ. Въ цвѣтникахъ
„Харакса“. Май.

или вазъ съ цвѣтами, она береть свои мотивы цѣликомъ въ той обстановкѣ, гдѣ встрѣчается съ ними.

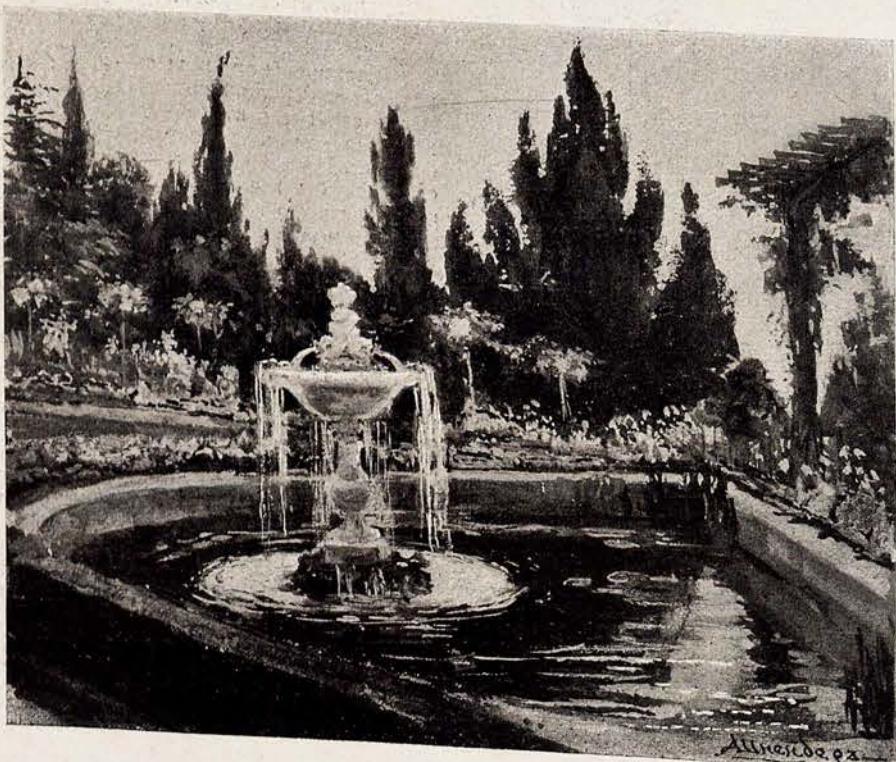
Ея цвѣты, неразрывно связанные съ окружающимъ ихъ пейзажемъ, производятъ портретное впечатлѣніе и далеки отъ обычныхъ утомительныхъ nature morte'овъ. Одно изъ главныхъ мѣстъ въ ея работахъ занимаетъ flora южнаго берега Крыма. Лиловые грозды душистой глициніи, огненнокрасные маки, нѣжно-розовый цвѣтъ Іудина дерева и безконечно разнообразныя розы,—весь букетъ крымской весны.

Много работъ посвящено роскошному парку собственного Его Величества имѣнія „Ливадія“, а также душистымъ цвѣтникамъ „Харакса“, имѣнія великаго Князя Георгія Михайловича, около Ай-Тодора, гдѣ весною 1913 года много работала г-жа Шнейдеръ.

Художница не чуждается и болѣе скромной флоры средней полосы России. Ея палитра разсказываетъ и о садахъ помѣщичьихъ усадебъ съ неизбѣжными кустами сирени, розовыми піонами и красными, какъ кумачъ, мальвами.

Нѣсколько работъ посвящено английскімъ паркамъ „Кенсингтонъ“, римскимъ вилламъ „Вилла Квитка“ (раньше Наполеона) и мотивамъ Капри.

Шнейдеръ съ дѣствомъ чувствовала влеченіе къ живописи: быть можетъ, сказалась кровь

А. П. Шнейдеръ.
„Хараксъ“. Фонтанъ
„Дельфины“.

Мастерская А. П. Шнейдеръ.

Перепечатка безъ указанія источника воспрещается; перепечатка группъ и портретовъ вообще воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

ся предка, архитектора временъ Екатерины II, участвовавшаго въ постройкѣ многихъ зданій Петербурга.

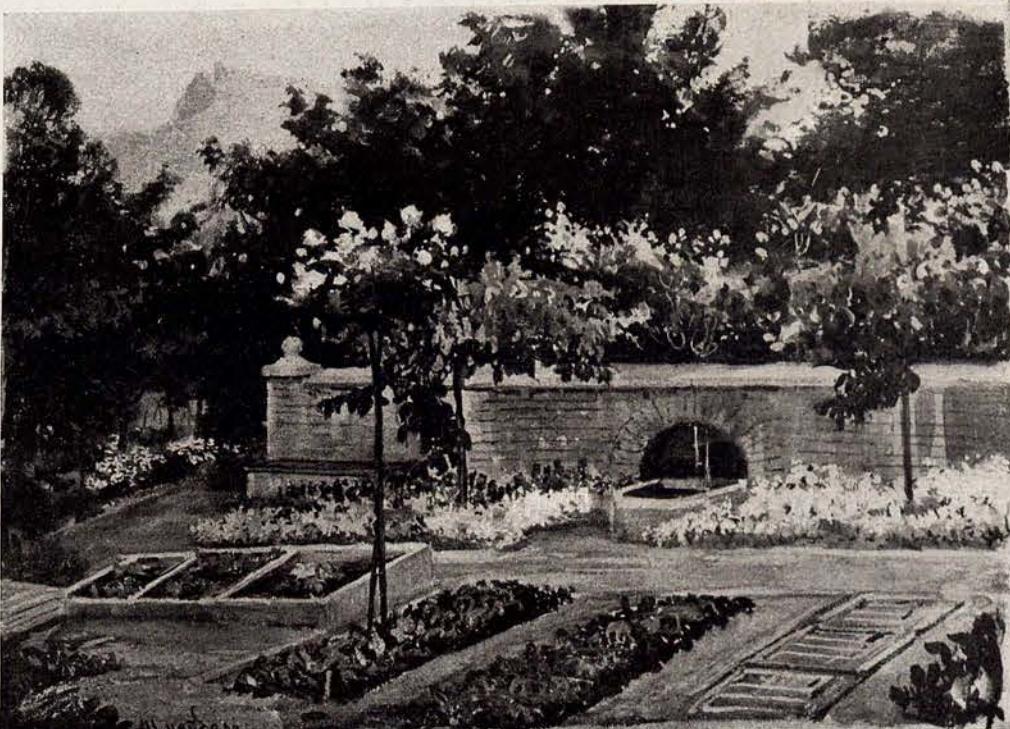
Окончивъ натурный классъ школы Общества Поощрений Художествъ подъ руководствомъ академика Цюнглиńskiego, г-жа Шнейдеръ неоднократно работала въ мастерскихъ Парижа, пользуясь указаніями Collet, Jules Simon и особенно Maxime Faivre'a, оказавшаго наибольшее влияніе на развитие ея художественнаго творчества.

Участвуя въ выставкахъ Общества Акварелистовъ, "весенней", въ парижскомъ Салонѣ и въ международныхъ въ Мюнхенѣ и Римѣ, 8 лѣтъ тому назадъ г-жа Шнейдеръ устроила отдельную выставку своихъ работъ въ залахъ Общества Поощрений Художествъ.

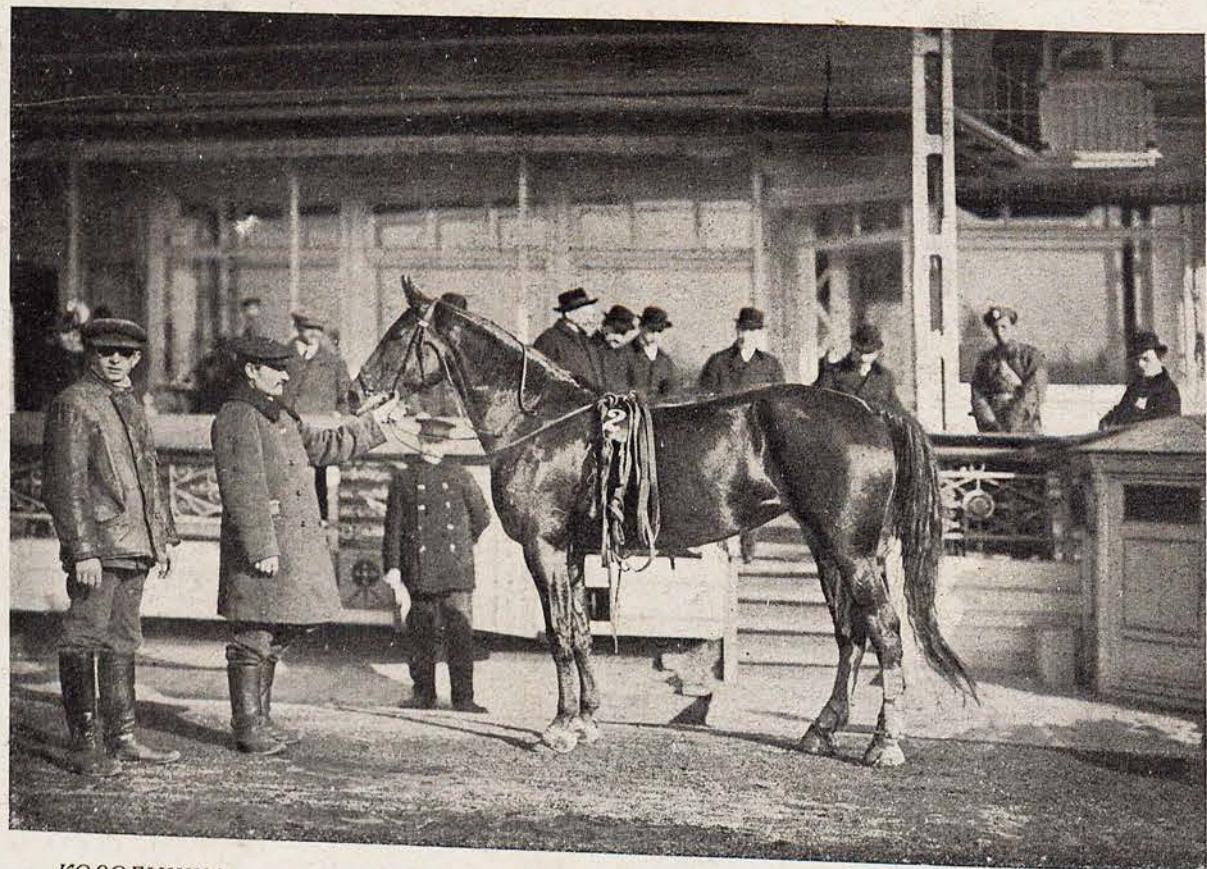
Гирлянды розъ кисти Шнейдеръ украшаютъ фризъ плафонъ въ залахъ Мошногорскаго имѣнія Е. А. Балашевой и въ Троицкомъ М. М. Скарятиной. "Золотой дождь" находится въ акварельномъ собрании кн. М. К. Тенишевой въ Музѣѣ Александра III. Много мотивовъ разнообразной русской флоры приобрѣтено Академіей Художествъ для пополненія провинціальныхъ музеевъ, а также частными лицами.

Работы художницы неоднократно обращали на себя вниманіе Августѣйшихъ Особъ, которыми и были приобрѣтены нѣсколько картинъ.

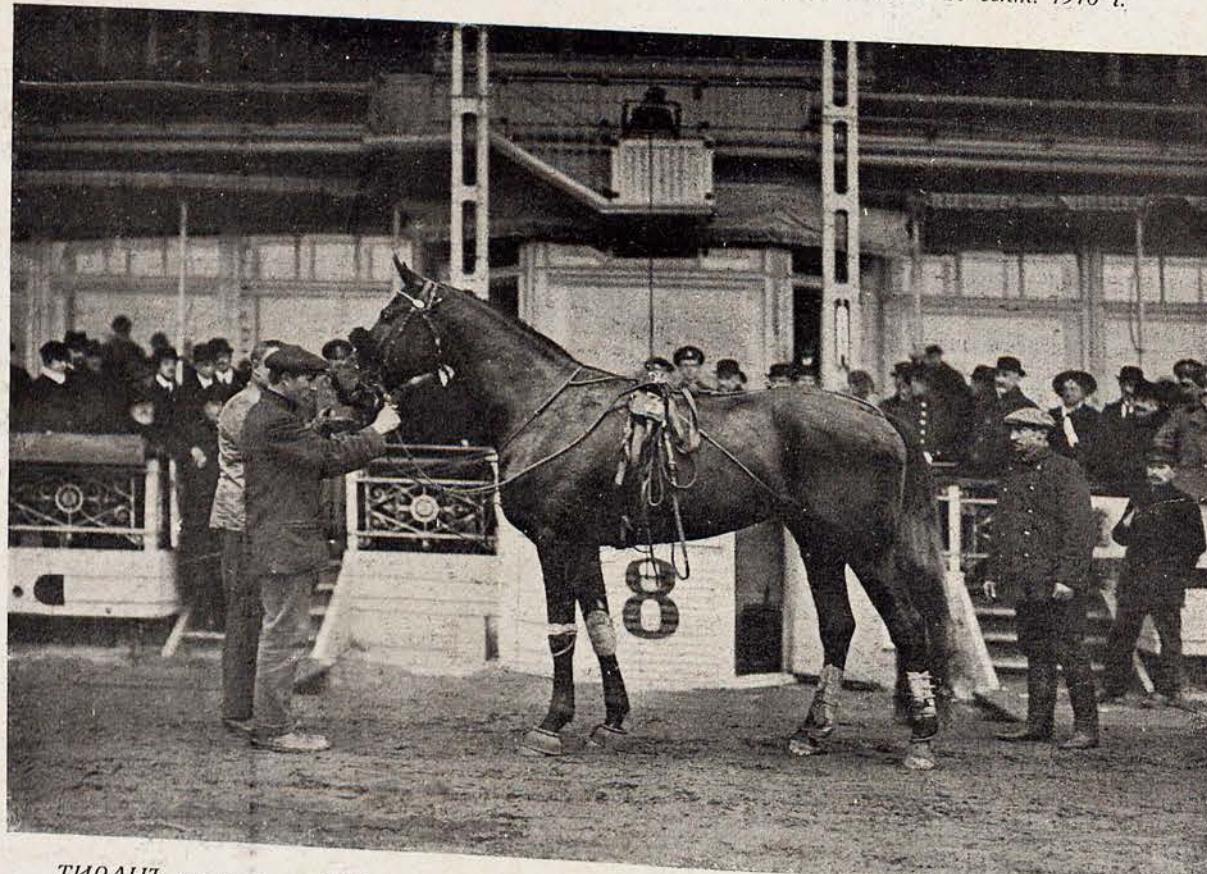
С. Кондаковъ.

А. П. Шнейдеръ. Въ цвѣтникахъ "Харакса".
Дѣтскій садъ.

КОРОБУШКА, рыж. к., р. 1909 г. В. В. Лежневъ, зав. С. Н. Конилина, отъ Пасъ-Роза 2:14¹/₄,
з. С Ф. Эмери и Клеопатры 2:17³/₄ з. кн. С. М. Голицына. Лучшая рѣзвость, 1 в. 1:28⁷/₈ и
1¹/₂ в.—2:14³/₈ по 22 декабря 1916 г., выиграла 59.603 р.
Побѣдительница приза въ честь Е. И. В. Вел. Кн. Татьяны Николаевны 26 сент. 1916 г.

ТИРАНЪ, ин. ж. р. въ 1912 г., кн. Вяземскихъ, зав. соб., отъ Гей-Бенгена 2:12⁴/₈, зав. Ф. А. Ли
и Тяи 2:35⁶/₈ з. кн. Л. Д. Вяземскаго. Лучшая рѣзвость: 1 в.—1:34, 1¹/₂ в.—2:10⁴/₈ по 22 де-
кабря 1916 г. выигралъ 67.143 р.
Побѣдитель приза въ честь Константина Логиновича Вахтера, 19²⁵/_х 16 г.

THE LADIES' FIELD

Цена 6 шил.

ЖУРНАЛ АНГЛИЙСКОГО
ВЫСШАГО ОБЩЕСТВА.

Печатается на роскошной бумаге. Благодаря изяществу и высококудожественному исполнению иллюстраций стоит во главе модных журналов всего света.

Во всех вопросах моды и во всех отраслях женского туалета считается одним из наиболее компетентных органов Великобритании и Континента.

«THE LADIES' FIELD», стремясь освещить все стороны жизни светской женщины, посвящает еженедельно несколько страниц светским новостям, моде, спорту, разного рода развлечениям, музыке, садоводству и путешествиям в автомобиле.

Русской придворной жизни отводится в журнале должное место.

Издатель будет весьма признателен за присыпку интересных сообщений, касающихся светской жизни России, и за фотографии, освещавшие ее с разных сторон.

«THE LADIES' FIELD» намерено выпустить в 1917 году «русское приложение». В этом приложении будут иллюстрированы и описаны характерные стороны русской светской жизни.

Журнал выходит по средам. Годовая подписка 50 шил. с пересылкой.

8—11, SOUTHAMPTON STREET, ST., LONDON, W. C.

FABBRICA ITALIANA AUTOMOBILI TORINO.

РУССКОЕ АКЦ. О-ВО
АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ
ПРАВЛЕНИЕ—Б. КОНЮШЕННАЯ, 25.

СОСТОЯНИЕ СЧЕТОВЪ РУССКО-АЗИАТСКОГО БАНКА.

На 1-ое октября 1916 г.

	Руб.	К.
АКТИВЪ.		
Касса и текущие счета	48 952.255	93
Учетъ векселей и других ценностей	266.069.070	98
Ссуды { до востребования	288.018.891	12
{ срочная	12.099.927	07
Иностранные деньги и таможенные купоны	126.767	36
Ценные бумаги, принадлежащие Банку		
Правительства, гарант.	21.128.307	06
Правительства, негарант.	11.986.593	24
Тратты и векселя на заграниценные места	457.804	83
Драгоценные металлы, принадлежащие Банку	1.849.165	49
По сч. корреспондентов "Loro"	398.881.035	78
По сч. Банка с членами правления	34.281.975	11
Счетъ Правления	300.056.901	69
Протестов, векселя	379.852	99
Текущие расходы	7.765.641	55
Процентный сборъ съ прибыли и налогъ съ кап.	277.955	22
Расходы, подлежащие возврату	77.789	48
Недвижимое имущество	12.129.453	41
Обзаведение и устройство	147.294	96
Переходящая суммы	2.900.440	70
	Руб.	1.407.587.123
ПАССИВЪ.		
Склад. капиталъ 293.332 акции	P. 55.000.000.—	
Команд. вкл. Кит. Прав. К. Т. 3.500.000	P. 4.837.196.—	
Запасный кап., прин. акционеров	P. 18.883.842.51	
Зап. кап. прин. Кит. Пр. К. Т. 1.248.326.83	P. 1.725.257.46	
Особый зап. кап., прин. акционерамъ	P. 5.901.020.37	
Особый запасной капиталъ, принадлеж. Кит.		
Правит.	K. Т. 503.333.33	
Резервъ на возможные во время войны потери	P. 695.634.85	
Особый фондъ страховых	2.176.559	79
Капит. погаш. недвижимое имущество	1.006.838	73
Выпущенные въ образцахъ банкноты	1.817.195	97
Вклады и текущие счета	3.020.419	26
По сч. корреспондентов "Loro"	707.759.138	11
По сч. Банка с членами правления	203.899.472	51
Переучетъ	48.778.507	08
Счетъ Отделений	1.240.539	21
Неоплачен. переводы и акции, тратты	302.729.223	21
Получен. %/о, комиссія и пр.	5.684.059	79
%/о, подлеж. уплатѣ по тек. счету и вкладу	P. 13.649.269.75	
%/о, переходящие на 1917 г.	400.022	47
Невыплачен. дивидендъ	4.757.664	55
Переходящія суммы	6.775.651	29
Сберегат. касса служащихъ Банка	1.985.899	07
	Руб.	1.407.587.123
Векселя и жел.-дор. квитанціи на комиссіи Гарантии Банка, выданы каз. учрежд. по ихъ заказамъ разн. заводамъ	70.814.686	42
Склад. кап.: 293.332 акции по Руб. 187.50	24.855.881	02
взносъ учредит. на пополнение	54.999.750	—
		250
	Руб.	55.000.000

*) Въ томъ числѣ % обумаги запасн. капитала.

СОСТОЯНИЕ СЧЕТОВЪ Петроградскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка по 30-ое Ноября 1916 года.

ПРАВЛЕНИЕ БАНКА въ Петроградѣ, ОТДЕЛЕНИЯ: въ Киевѣ, Ростовѣ-на-Днѣ, Таганрогѣ, Бѣлой Церкви, Черкассахъ и агентство въ Смѣлѣ.

	Въ Петроградѣ.	Въ отдѣленіяхъ.	Итого.	
	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	
Активъ.				
Касса и тек. сч.	3.812.436.29	4.415.045.62	8.227.481.91	
Учетъ векселей и др. ценностей *)	33.132.572.84	10.804.661.26	43.937.234.10	
Ссуды подъ обезпеч.	27.193.079.36	12.747.424.92	39.940.504.28	
Ценные бумаги, принадлежащие Банку	17.066.094.20	337.799.30	17.403.893.50	
Иностр. векселя и монеты	35.186.11	1.981.13	37.167.24	
Корреспонденты Банка:				
1. Loro	218.031.344.52	2.632.874.50	220.664.219.02	
2. Nostro	4.738.319.69	1.033.262.64	5.771.582.33	
Отдѣленія Банка	—	25.165.624.26	25.165.624.26	
Векселя, прин. на инкассо	5.594.849.57	5.301.793.77	10.896.643.34	
Текущие расходы	906.203.82	459.905.66	1.366.109.48	
Недвижимое имущество	2.400.000	944.000	3.344.000	
Государ. промышл. налогъ	351.445.84	—	351.445.84	
Переходящія суммы	669.322.33	516.023.11	1.185.345.44	
	Руб.	313.930.854.57	64.360.396.17	
			378.291.250.74	
Пассивъ.				
Складочный капиталъ (100,000 акций по Р. 250)	25.000.000	—	25.000.000	
Запасный капиталъ	8.333.333.33	—	8.333.333.33	
Особый резервъ, капиталъ	4.166.666.67	—	4.166.666.67	
Остатокъ прибыли	300.000	—	300.000	
Вклады и текущіе счета	123.523.981.53	46.336.957.79	169.860.939.82	
Корреспонденты Банка:				
1. Loro	114.525.753.96	5.234.039.53	119.759.793.49	
2. Nostro	1.056.726.59	684.256.47	1.770.983.06	
Отдѣленія Банка	25.068.650.26	2.474.159.66	27.542.800.92	
Векселя на инкассо	5.594.849.57	5.301.793.77	10.896.643.34	
Акцептов., тратты и переводы къ оплатѣ	844.850.55	171.267.26	1.016.117.81	
Невыплачен. дивидендъ	226.999	—	226.999	
%/о и комиссія въ 1916 г.	P. 10.431.795.46			
	Руб.	313.930.854.57	64.360.396.17	
			378.291.250.74	
За выч. % по тек. сч. и вклад.	P. 4.776.588.80	4.809.924.18	845.282.48	5.655.206.66
Переходящія суммы	449.118.93	3.312.639.21	3.761.768.14	
	Руб.	313.930.854.57	64.360.396.17	378.291.250.74

*) Въ томъ числѣ 2.196.000 р.—бюдж. обязат. Госуд. Казнач.